

The book cover features a detailed illustration of a fantastical mountain landscape. On the left, a massive, ancient stone structure, possibly a temple or fortress, is built into a steep cliff. The structure has intricate carvings and a large, arched opening. In the foreground, two figures in red robes are seen from behind, walking along a rocky path that leads into the distance. The landscape is lush with greenery, including tall evergreen trees and patches of colorful flowers. In the background, a wide valley opens up, revealing a large waterfall cascading over a series of rocky ledges. The sky is a deep blue with soft, white clouds. The overall style is that of a high-quality fantasy illustration.

Иван Быков

Жрец

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Иван Быков

Жрец

«Автор»

2026

Быков И.

Жрец / И. Быков — «Автор», 2026

«Сага равнины» - фэнтезийный триптих: «Трубадур», «Жрец», «Военком». Первая часть эпического повествования уже знакома читателю. Роман «Жрец» позволяет проследить за судьбами главных героев, однако мир равнины обретает новые краски и неожиданные сюжетные повороты. Поселенцы вдоль Немого хребта, Жрецы Последнего Храма, рыбоведы на горных склонах, Хранительница в Анкетной башне, высокотехнологичная цивилизация Пирамиды, чери у Радужной Стены, загадочный Лес на южном склоне – прошлое, настоящее и будущее мира, который либо по-прежнему стремится к гибели в противостоянии таких разных сил, либо ищет пути возрождения в их единении. Роман будет интересен как тем, кто уже знаком с творчеством автора, так и новым читателям.

© Быков И., 2026

© Автор, 2026

Иван Быков

Жрец

Жрец
(книга вторая)

*Судьбы наивысшей был жрец удостоен,
Жрецу подчинялся с охотою воин,
Тому и другому служили умельцы,
И люди торговые, и земледельцы,
А им угождали покорные шудры, -
Таков был закон стародавний и мудрый.
«Махабхарата»*

1.

Смертоносная тень неслась по темным коридорам промежуточной зоны. Сумерки давно покинутых помещений для Убийцы не были помехой – он отлично видел в темноте. И все равно могучее тело иногда бросало из стороны в сторону, тяжелые плечи то и дело скрежетали по межэтажным перемышкам. Казалось, что грозный монстр либо ранен, либо одурманен чем-то. До цели оставалось всего два зала, два пролета.

Ву-Волк с тревогой наблюдал за приближением Убийцы. Еще несколько мгновений и произойдет неизбежное. Тяжело вздохнув, Ву-Волк оторвал взгляд от экранов, встал, расправил плечи, повернулся лицом к нарастающему грохоту. Хлипкая заслонка двери – вот и все, что бережет его от тяжелого топота Убийцы.

- Все равно разнесет, - безнадежно прошептал Ву-Волк и приказал двери открыться.

На пороге стояла смерть. Коренасто расставив полусогнутые ноги, растопырив руки-клешни, Убийца глыбой навис над ничтожным человеком и вперил в него немой бездушный взгляд. Их разделяло не более пяти шагов. Наконец Убийца принял решение и двинулся на жертву, одновременно занося клешню для удара.

- Ну, хватит, - раздраженно сказал Ву-Волк и могучий Убийца застыл беспомощной куклой. – Умей вовремя остановиться. Что ты собирался сделать? Смести меня с пути? Ты понимаешь, что я мог свернуть себе шею? Какая безответственность! Подумай пока над этим.

Опустившись в кресло оператора, Ву-Волк некоторое время просматривал безлюдные серые уровни промежуточной зоны. Не потому что хотел обнаружить еще одного гостя – кроме них двоих здесь не было и не могло быть никого другого. Просматривал, чтобы унять глухие волны раздражения, неуместного в данной ситуации и неподобающего для иерарха его статуса. Убийца замахнулся, хотел смести Ву-Волка с пути – нет, это немыслимо! Как теперь обрести спокойствие?

- Подойди! – приказал Ву-Волк, решив, что наконец готов к бесстрастному разговору.

Гул и скрежет за спиной, робкие шаги. Ву-Волк развернулся вместе с креслом. Разверстый экзоскелет осел зловещей грудой. Юный Ди-Лев, виновато понуриив голову, стоял на некотором отдалении, не решаясь подойти ближе.

- Подойди! – повторил приказ Ву-Волк, и провинившийся юнец приблизился на расстояние, подобающее этикету и дающее право беседовать со старшим.

Смотритель промежуточной зоны строгим взглядом изучал беглеца. Сизый форменный комбинезон гимназиста третьей ступени. Темные волосы, прибранные строевой стрижкой. Огромные глаза под длинными виноватыми ресницами. Сухое рельефное тело, сформирован-

ное обязательными тренировками. Обычный пятнадцатилетний верхний из клана Львов. Что же тянет сорванцов на такие подвиги? Почему обязательно в ком-нибудь просыпается на третьей ступени раз-другой в год необоримый бунтарских дух? И на что надеются?

- Почему шатало на бегу? – строго спросил Ву-Волк для начала разговора. – Машину бы ты не повредил, а вот себя мог бы изрядно травмировать.

- Не до конца освоил управление, - признался Ди-Лев.

- Управление освоил не до конца, - повторил смотритель. – Но все равно рвался за периметр?

- Там равнина, - огрызнулся беглец. – Не споткнешься.

- А как же ловцы?

- Ловцы в доспехах не страшны, - заносчиво заявил Ди-Лев. – В доспехах никто не страшен.

- Даже аномалии? – «удивился» смотритель.

- Аномалии – это сказки. Страшилки для первой ступени.

- Вот как? Значит, ты считаешь, что наставники вводят учеников в заблуждение?

- Наставники следят за порядком. Для этого все средства хороши, - ответил юнец со взрослым резонансом.

- Все-то ты знаешь, - «похвалил» Ву-Волк. – Так почему же попался на внешней блокировке?

- «При достижении симбиоза с оператором экзоскелет становится невосприимчив к директивам извне», - ученик процитировал инструкцию.

- «Кроме тех случаев, когда директива поступает от иерарха более высокого статуса», - закончил Ву-Волк.

- Этого нет в инструкции, - неуверенно возразил Ди-Лев.

- В ученической – нет, - согласился Ву-Волк. – Кого бы я тут ловил, если бы наставники вас заранее предупреждали? Доспехи созданы для командной работы. Во время активной фазы случиться может всякое. Например, тяжелое физическое ранение оператора. Или критический излом сознания, лишаящий оператора возможности следовать заданному алгоритму. Поэтому командир подразделения всегда имеет право перехватить управление.

- Теперь буду знать, - осмелел Ди-Лев.

- Не помогут тебе эти знания, - сообщил Ву-Волк со вздохом. – Промежуточная зона для тебя отныне закрыта.

Ди-Лев загадочно улыбнулся. Он все еще не понимал последствий своего проступка, все еще надеялся повторить попытку бегства. Что ж, не нужно его разубеждать, пусть надеется. Надежда поможет парню легче переносить уготованные ему ограничения.

Раз в год среди учеников третьей ступени обязательно найдется бунтарь, который сам или сотоварищи спланирует и предпримет подобную отчаянную авантюру. Наставники быстро и легко выявляют такие «очаги неповиновения», подготавливают и провоцируют их к активным действиям, после чего смотрителю промежуточной зоны остается только ждать в пункте наблюдения возле лифтов. Педагогика – великая наука. Уже много веков эффективно и надежно служит она делу поддержания порядка. Силовые и контролирующие структуры выполняют лишь вспомогательную функцию. Наставничество – самый почетный функционал в Пирамиде.

- Зачем бежал? – хмуро спросил Ву-Волк, хотя знал ответ заранее – одинаковый у них у всех ответ.

- Ждать надоело, - юнец отреагировал на строгий тон и вновь виновато понурил голову, но спустя мгновение снова задрал подбородок и заговорил эмоционально, с подростковым обиженным возмущением. – Океанисты объявили, что готовы со дня на день. Возьмут под контроль побережье, кто им мешает прийти на равнину? Еще пару лет подождем, и космики вернутся. А мы так и будем сидеть в Пирамиде до скончания веков.

- Значит, ты решил в одиночку провести экспансию, которую Клань готовят веками? – уточнил Ву-Волк.

- Достаточно контролировать Город, - сказал Ди-Лев с таким видом, словно выступал на Совете Правления. – Кто владеет Городом, тот владеет всей равниной.

- И ты – о, всемогущий! – овладел бы Городом в одном экзоскелете?

- Доспехов вполне хватило бы, - ученик пожал плечами.

- А если жители Города начали бы оказывать сопротивление?

- А что они мне сделают? В доспехах-то? Со своими ножиками?

- Так ты представляешь жителей равнины? Беспомощные ремесленники с ножами и палками? А как же Жрецы?

- Сказки!

- А те, кого они называют «чери»?

- Зверинец!

- И как бы ты наказывал несогласных? Рвал бы на части? Разбрасывал в стороны, как хотел отбросить меня?

- Я же осторожно, - глаза юнца виновато забегали. – Мне нужно было только пройти к шахте.

- Осторожно он! – Ву-Волк повысил голос, хотя в душе не было уже первого, слепого негодования. – Замахнувшись клешней экзоскелета! Не до конца освоив управление! Старшего по возрасту и по статусу! Беззащитного! Твоя цель оправдывала возможные последствия?

- Нужно было только начать, - упрямо и глухо откликнулся Ди-Лев. – Для старта экспансии нужен лишь первый толчок.

За спиной мягко растаяли двери лифта. Кабина была пуста. Лифт доставит беглеца на нижний жилой уровень, где его уже ждет наставник и представитель клана Львов.

- Что ж, иди, наш первотолкатель, - Ву-Волк потрепал парнишку по плечу, одновременно подталкивая к лифту. – Тебя ждут.

- Что со мной будет? – спросил Ди-Лев со скрытой тревогой.

- Твоя специализация в гимназии?

- Лингвистика.

- Вот и будешь заниматься своей лингвистикой. Тебе создадут для этого все условия.

- Скучно, - Ди-Лев наморщил нос.

- Какая же экспансия без хорошего лингвиста? – удивился Ву-Волк. – Кто поможет разобратся с языками черей? Кто наладит эффективную коммуникацию с жителями равнины? Верное слово сильнее тысячи пульсаров. Умелый лингвист справится там, где бессильны будут целые подразделения операторов в экзоскелетах.

- Скучно, - повторил Ди-Лев, но уже менее уверенно.

Закрылись двери лифта. Ву-Волк обратился к экзоскелету. Доспехи сомкнули бронепластины и упруго выпрямились на могучих ногах. В походном режиме экзоскелет отправился на место постоянной дислокации, чтобы вернуться в стазис и ждать следующего беглеца. Ву-Волк запустил протокол консервации. Теперь промежуточная зона была заблокирована от любого проникновения. До тех пор, пока снова не позволит смотритель.

Пора было устремиться к Вершине. Через минуту смотритель покинул шахту на этаже своего клана. Ар-Волк была одна, стояла у панорамной стены, обернулась порывисто, улыбнулась, как вздохнула, легкой тенью, и вернулась к созерцанию. Она могла часами так стоять, впитывая, выпивая глазами пепельно-желтую безлюдную даль равнины. Откуда все началось, где все закончилось и где все должно начаться и продолжиться вновь. Ву-Волк встал за спиной одной, соблюдая субординацию: Ар-Волк была одной из старейшин клана. Самой влиятельной старейшиной. Некоторое время молчали.

- Как беглец? – наконец спросила Ар-Волк.

- Пытался меня убить, - сообщил зритель. – Замахнулся клешней.
- Удивительно! – Ар-Волк удивилась широко открытыми глазами и всплеском ресниц.
- Это важно. Очень важно.
- Знаю, - кивнул зритель. – Составлю субъектив для наставников. Пусть найдут девиации в процессе педагогического воздействия.
- Взаимодействуй с кланом Львов, - посоветовала старейшина. – Семя агрессии могло зародиться там, не в гимназии.
- Спонтанные коммуникативные ситуации, много случайностей, хаос, - засомневался Ву-Волк.
- В процессах обучения и воспитания не бывает случайностей, - возразила Ву-Волк. – В любом хаосе можно отыскать закономерности. Это дело наставников. Нужно просто обратить внимание педагогов. Агрессия – это важно. Очень важно.
- Для будущей экспансии, - закончил зритель промежуточной зоны. – Не исключена возможность силового контакта. Понадобятся доспехи, много доспехов. Их операторы должны быть готовы к непредвиденным обстоятельствам. Оператор доспехов без агрессии малоэффективен. Теперь наставники будут культивировать в учениках агрессию? С первой ступени?
- Ни в коем случае! – Ар-Волк не смогла сдержать улыбки – настолько наивным было предположение зрителя. – Не для того мы веками сводили на нет проявление агрессии в молодняке, чтобы разрушить порядок ради экспансии.
- Чего мы ждем? – Ву-Волк задал вопрос, который давно хотел задать. - Почему не отправим за периметр подразделение операторов? Почему не начнем хотя бы с Города? Ди-Лев меня спрашивал, я не смог ответить. Океанисты объявили о скорой экспансии. Юнец говорит, что космики раньше спустятся с орбиты, чем пустынные начнут освоение равнины.
- Пустынники... - повторила Ар-Волк. – Некогда мы потеряли все. Почти все – сохранить удалось крохи. И вот теперь, когда нет больше ни государств, ни народов, ни рас, ни военных союзов, ни противостояния империй, ни экономических споров, ни взаимных претензий или притязаний на чужое, - даже теперь мы спорим и конкурируем. Три Пирамиды – в океане, в космосе и наша – были созданы, чтобы обеспечить выживаемость вида с максимальной вероятностью. Какая разница, кто начнет экспансию раньше? Так ли важно, кто будет первым, если второму будет проще, а третий сможет избежать ошибок своих предшественников?
- Наша Пирамида – самая большая, - напомнил Ву-Волк, но тут же внес поправку. – Была на старте самой большой. Почему не мы?
- Именно поэтому, - Ву-Волк говорила, как наставник с учеником («Она и есть наставник, - подумал Ву-Волк. – Вот только я давно не ученик»). – Мы должны учитывать любые, даже самые невероятные риски. И главные опасности ждут нас не на равнине.
- В Лесу за горным хребтом?
- Нет. Здесь. В самой Пирамиде. Возобновляемые энергетические ресурсы, эффективная вторичная переработка, контроль рождаемости – так мы видим мир. За периметром все иначе. Нужно будет учиться жить по-новому. И порядок, который мы сохраняли веками, может рухнуть в одночасье. Наставникам придется изменить формат педагогического воздействия, обозначить иные конечные цели. Жизнь за периметром потребует новых умений, новых навыков, новых свойств характера. И если мы начнем реформы образования тут, в Пирамиде, то последствия могут обернуться катастрофой. У пустынных нет права на ошибку.
- Не знаю, - сомневался Ву-Волк. – Какое-нибудь экспериментальное поселение, учебная база, пробная площадка. Вместо развернутой экспансии осторожное проникновение. Главное начать.
- И немедленно обнаружить себя, заявить о нашем существовании, - закончила Ар-Волк.
- Нет уж, переступить периметр мы должны масштабно, с целостной моделью, с подготовлен-

ными командами первопроходцев и колонизаторов. Равнина постоянно удивляет наших аналитиков, подкидывает все новые и новые неожиданности. Это странное новообразование...

- Жители равнины называют его Радужной Стеной, - осторожно, стараясь не перебивать, вставил Ву-Волк.

- Стена, Ворота, Анкетная башня, Бухгалтер, Город – все это еще не изучено, не понято, не включено в единый алгоритм, - Ар-Волк говорила сдержанно, но за ровным голосом ее звенели долгие часы раздумий. – А Жрецы Последнего Храма – какая у них власть, какая сила? А сила есть – сам знаешь. Изучал же информацию, которую собрали и систематизировали наблюдатели. А странные мутировавшие виды у этой самой Радужной Стены...

- Чери – так говорят на равнине. Они не мутанты.

- Да, чери. Не мутанты, говоришь. Тогда кто они? Откуда явились? Зачем? Пока не выясним, они будут представлять опасность. И последние «подарки» равнины – аномалии...

- Поселенцы называют их тени.

- Да, тени. Мы беззащитны перед ними так же, как любой ремесленник из любой деревни вдоль Немого хребта. Не говорю уже о другом горном склоне. Сколько дронов мы потеряли там!

- Лес, - кивнул Ву-Волк.

- Больше, чем просто лес. Белое пятно на внешних картах. Вернее, зеленое. Огромное зеленое пятно. Какие неожиданности, какие проблемы для наших колонизаторов может породить этот Лес? Не из Лесу ли вылезли эти самые тени? Вина? – неожиданно предложила Ар-Волк, и смотритель с удовольствием согласился.

- Когда появились тени, нас перестали посещать гости, - сказал Ву-Волк, принимая бокал.

- За все века гостей было только трое, - Ар-Волк вернулась с бокалом к созерцанию пустыни. – Что-то их держит, не пускает.

- Тени?

- Тени появились между Городом и Пирамидой лет десять назад. Да, теперь поселенцы наверняка опасаются именно их. Но и до теней – всего трое визитеров. Два мужчины, которых по очереди привела одна женщина.

- И эта женщина сама провела тут неделю, изучила множество документов, даже умудрилась активировать танк. После чего уехала на мобиле. Мы подарили ей нашу машину. Не мне судить, но почему все-таки Клань пошла на такой рискованный шаг? Танк ей бы тоже дали угнать?

- Нет, танк бы остановили, - Ар-Волк улыбнулась. – Мы изучали взаимодействие поселенцев с нашей техникой, их стремление к прогрессу. Убедились, что система воспринимает поселенцев в качестве операторов, взаимодействует с людьми равнины.

- Геном совпадает, - кивнул смотритель.

- Именно. Уверена, никого из черей техника бы не приняла.

- Пока не проверим, не убедимся, - резонно заметил Ву-Волк. – Океанисты и космики за века претерпели разительные изменения тела, адаптировались к среде, так что нельзя судить по внешним различиям. Даже человека из Кланов Основания не спутать с представителем Кланов Вершины.

- Согласна, - Ар-Волк развернулась, и смотритель понял по дежурной маске старейшины, что аудиенция окончена. Не сказаны только последние слова. – Но за последние десять лет гостей не было – ни людей, ни черей. Начинать экспансию, прежде чем все риски будут опознаны и классифицированы, прежде чем аналитики найдут противоядие для любой отравы с равнины, Совет Кланов не позволит. А юнцы – юнцы пусть бунтуют. Тем больше появится на Вершине прорывных исследователей.

Бу-Волк склонил голову, прощаясь, еще раз взглянул на панораму пустыни – каждый житель Пирамиды должен хранить в душе этот образ, помнить, что ожидает его за периметром, - и вышел из зала. Сегодня был нерядовой, напряженный день, зритель заслужил отдых.

2.

Много удивительного было в Последнем Храме, ко многому приходилось привыкать. Тяжелее всего было с именами. На равнине имя давали по ремеслу. Ремесло было связано с мужчиной до последнего шага, последнего взмаха руки, сжимающей инструмент, до последнего вздоха. Имя по профессии носил и сам ремесленник и вся его семья: Жены, дети, ученики. В Храме имя так же следовало за ремеслом, вот только освоение ремесел превратилось в настоящую чехарду. За эти десять лет он сменил их несколько. Вернее, не сменил, а накопил.

С равнинным именем – Трубадур – пришлось расстаться у ворот Храма, как только девять путников достигли конечной цели.

Небольшой пеший караван выдвинулся из Города с первыми лучами Солнца, когда рассветное зарево неспешно оборото и свело на нет цветное сияние Радужной Стены. Шли не цепочкой, а малыми группами. Двое Охранников уверенно вели караван по знакомому маршруту. Еще двое замыкали шествие. Трое Почтальонов составляли центральную группу. Рюкзаки Почтальонов были забиты исписанными анкетами и редкими книгами, что Бухгалтер обнаружил в Городе и вдоль Стены. Сам Бухгалтер сопровождал Трубадура, лениво, чтобы не сбивать маршевого дыхания, отвечал на вопросы, изредка улыбался – все для того, чтобы отвлечь влюбленного Трубадура от мыслей о покинутой в Анкетной башне Любе. Или как ее теперь следовало называть? Хранительницей?

Осторожно, чтобы караван не заметили, обогнули селения Охотников и Рыболовов, вброд переправились через небольшую речушку. Несколько крупных речных пиявок выжидали добычу в стремнине, но путников не заметили. Каким-то неведомым Трубадуру умением Жрецы сумели погрузить хищников в сон.

Долго и с трудом пробирались через Гнусные болота. Можно было идти вдоль реки и вернуться на тропу выше по течению, но тогда не миновать было по пути плотину, что выстроили рыбоведы. Всем известно, что к рыбоведам лучше не забредать. Даже Жрецам. Поэтому шли через болота напрямик, выигрывая при этом два дня.

Когда при первом явлении мокши спутники вправили брюки в сапоги, натянули защитные сетки на лица и плотные перчатки на руки, Трубадур заволновался. Но Бухгалтер, смеясь, протянул сетку и перчатки, заготовленные специально для новичка. Трубадур спешно натянул защиту и постарался как можно более тщательно вправить штанины в голенища походной обуви.

В легендах, что рассказывал Трубадур на площадях, рыцари в доспехах оказывались в центре тьмы тмущей врагов и раскидывали вражьи орды одним-другим взмахом сверкающего меча. Так и сам Трубадур, надеясь на прочность «доспехов», вступил в роящиеся тучи болотных насекомых. И все равно, когда ноги вновь обрели надежную опору, все тело нестерпимо зудело – гнус пробрался под ворот рубахи и в мелкие складки штанов. Пришлось сделать привал, пить таблетки и щедро расходовать целебную мазь.

Далее путь проходил с постоянным подъемом, иногда крутым, но чаще пологим, по пыльной каменистой тропе. К концу шестого дня караван вышел к воротам Последнего Храма. В мире равнины ворота только назывались воротами, но вид имели совсем не такой, как на картинках в старых книжках. В Радужной Стене Ворота представляли собой ослепительный желто-белый проем в сто шагов длиной. В Последнем Храме воротами называли узкую расщелину, которая открывала проход в темное ущелье. И у этой расщелины караван остановился, Жрецы тихо переговаривались между собой, явно ожидая кого-то.

Трубадур рассматривал арку с нескрываемым интересом. Два занавеса каменных морщин отвесно падали из лунной синеватой темноты на маленькое плато, где собрались путники. Проход меж ними был достаточно широк, но арка соединяла своды на такой недостижимой высоте, что вся расщелина казалась лишь тонким разрезом в ткани скал. Задрав голову, Трубадур постарался увидеть точку, где соединяются колоссальные опорные столбы, сделал несколько шагов, повертелся и – увяз. Словно попал в объятия могильщика. Во сне так бывает порой: хочешь бежать, а руки-ноги повиноваться отказываются. И даже позвать на помощь Трубадур не мог: не то что крикнуть – звук издать не получалось. Растерянным взглядом он отыскал Бухгалтера. Тот тихо смеялся.

- Полог Гекаты, - «объяснил» Бухгалтер и, протянув руку, извлек новичка из вязкого нечто.

- Что за хитрая ловушка? – Трубадур никак не мог отдышаться.

- Геката – очень древнее и могучее божество. Те, кто служили ей до всех Эпох, называли ее Пропилия – «Предвратная», или Эннодия – «Придорожная», или Клейдухос – «Хранительница ключей». Геката – дочь титанов, ночная охотница. В Храме весьма ценят и уважают ее помощь.

- Вам помогает Геката? – спросил Трубадур так, словно он несмышленный сын ремесленника и все еще верит в сказки.

- Как и другие боги, - подтвердил Бухгалтер. – Мы не просим у богов ничего такого, что им самим не хотелось бы делать для нас. Все божьи деяния – исключительно в согласии с божьей специализацией. Мы служим им, они служат нам. Взаимовыгодное сотрудничество. Вот Геката, например, отводит от Последнего Храма несчастье и хранит нас от излишнего любопытства чужаков.

- Вы это говорите серьезно? – не поверил Трубадур. – И почему же я до сих пор чужак?

- Пока ты носишь имя, полученное на равнине, для Храма ты остаешься чужаком. Да и всем нам неплохо бы сменить имена. Не возвращаться же мне в Храм Бухгалтером, вся моя бухгалтерия осталась в Анкетной башне.

- Не понимаю, - признался Трубадур.

- Скоро во всем сам разберешься, молодой человек, - с улыбкой пообещал Бухгалтер.

- Мне уже больше пятидесяти, - напомнил Трубадур.

- Когда появится Гелертер, мы с тобой обязательно обсудим наш возраст, - заверил Бухгалтер. – Вот и он, без опозданий. Идем знакомиться.

Из глубины ущелья к путникам спешил Жрец в серой сутане до пят с ритуальным кадуцеем в руке. Был он человеком весьма почтенного возраста. Совершенно седые короткие волосы перебирались по щекам от висков на подбородок, очерчивая вытянутое лицо белой многодневной щетиной. Высокий лоб, большой нос с горбинкой, глубокие провалы глазниц, украшенные в уголках сетью морщин.

Не бежал, но и не выступал степенно – шел деловой походкой, приветственно улыбаясь издалека. Жрец без какого-либо усилия миновал ту линию, которую Бухгалтер назвал «пологом Гекаты» и вступил в круг Почтальонов и Охранников. Каждому пожал руку, каждому сказал несколько слов. Слова, несомненно, были добрыми, потому что каждый Почтальон и Охранник благодарил легким поклоном головы. К расщелине потянулась цепочка. Жрецы по одному пересекали «полог» и скрывались в глубине меж скал. Наконец Гелертер подошел к Бухгалтеру и, поздоровавшись с ним, протянул руку Трубадуру.

- Гелертер, - представил Бухгалтер. – Верховный Жрец Последнего Храма. А это...

- Трубадур, - Гелертер пронзал новичка прищуренными в улыбке глазами. – Тот самый, о котором ты докладывал в последних отчетах. Надолго к нам, молодой человек? Или просто погостить?

«Да что ж они все величают меня молодым человеком?» - подумал Трубадур, а вслух ответил:

- Как пойдет. Бухгалтер намекнул, что при желании я имею возможность влиться в ваш коллектив.

- А ты имеешь такое желание?

- Мне нужно осмотреться, - честно признался Трубадур.

- Само собой! – бодро согласился Гелертер. – Нам важно, в каком статусе ты хочешь осматриваться. Можем считать тебя гостем, но, если бы ты попросил у меня совет... - Гелертер выжидательно замолчал.

- Да, конечно, я бы хотел мудрый совет, - поспешно сказал Трубадур, как только понял, что пауза возникла из-за его молчания.

- Тогда я советую войти в Храм на правах того, кто желает стать в будущем нашим собратом, - мгновенно откликнулся Верховный Жрец. – Чуть больше обязанностей, но зато и прав, так сказать, в разы! Для новичка – широкие возможности, дня нас – экономия времени.

- Полностью полагаюсь на опыт и добрую волю, - со всем и сразу согласился Трубадур.

- Замечательно! – похвалил Гелертер. – Раз такое дело, то позволь наречь тебя Неофитом.

- Не знаю значение этого имени.

- На одном из древних языков «нео» означало «новый», а «фито» означало «растение», «росток». Неофит – «новый росток», - пояснил Бухгалтер с молчаливого разрешения Гелертера. – Никто не знает, что вырастет из посаженного семени, но все ожидают, что растение будет приносить пользу.

- А если выйдет сорняк? – спросил Трубадур-Неофит.

- Сорняки пропальвают, брат мой, - ответил Гелертер с доброй улыбкой. – Добро пожаловать домой. А ты станешь его Наставником, - добавил, обернувшись к Бухгалтеру.

- Не сомневался, - Бухгалтер-Наставник был готов к такому повороту.

Так Трубадур в третий раз сменил имя. В второй раз имя менял после смерти приемного отца. Был Сыном Трубадура, а стал Трубадуром, когда отец не смог выбраться из воронки могильщика. Но было у него еще одно имя, которое носил он от рождения до двенадцати лет. В его памяти тоже был «полог Гекаты», который надежно скрывал тайны его детства. В том числе, имя. Но он обязательно вспомнит. Для того он и явился в Последний Храм вслед за Бухгалтером. Вслед за Наставником.

Караван уже углубился в ущелье, троица направилась следом. Гелертер шел первым, следом Неофит, замыкал шествие Наставник. «Полог Гекаты» признал своего, пропустил, не чиня препон. Неофит ступил в прохладу расщелины с благоговением. И тут же присел в испуге, выхватил мачете и изготовился к бою.

Прямо на них, встав на задние лапы и широко расставив передние, грозно вытянувшись во весь свой трехметровый рост, оскалив клыки, с устрашающим рыком несясь рыбовед. Мгновение – и огромный зверь уже обхватил лапами Гелертера. В этих смертельных объятиях тело Верховного Жреца казалось совсем уж хрупким и беззащитным. Неофит рванулся на выручку, заноса мачете для отчаянного, но наверняка нечувствительного для толстой шкуры удара. И рубанул бы, не вмешайся Наставник.

- Все пугаются, - сказал Наставник, жестко сжимая запястье новичка в ладони. – Но мало кто настолько глуп, чтобы с ножиком бросаться на рыбоведа. Это Смешняга, добродушный малый. Он так здоровается. Развлечение у него такое – встречать всех в ущелье.

Даже после слов Наставника жутко было тонуть в мягкой звериной шерсти, ощущать могучую силу его лап, чувствовать, как острые когти в любой момент могут разорвать прочную кожаную жилетку на спине. Но звериный оскал оказался улыбкой, боевая атака – радушными обнимашками.

- У вас один такой... ручной рыбовед? – спросил Неофит, когда обтер походной сумой мокрое от жаркого звериного дыхания лицо.

- Не ручной, - возразил Наставник и с теплом посмотрел на мохнатую гору впереди: Смешняга, закончив с приветственными объятиями, важно брел вразвалочку рядом с Верховным Жрецом, без стеснения опираясь на все четыре лапы. – Он служит Храму. Не так, как люди, конечно. У рыбоведов свои символы веры, наши боги им не указ. Так что сутаны они не носят, кадуцеями владеть не обучены. Зато отлично помогают нам по хозяйству: считай, вся добыча рыбы, дичи, меда на них. Эли варят отменные. Уж века три как мы наладили с ними контакт.

- Они... разговаривают? – осторожно спросил Неофит.

- Речь? Нет, что ты! – Наставник даже рукой махнул. – Клыки, пасть, язык – Смешняга любезно предоставил тебе возможность изучить вблизи строение его речевого аппарата. Произносить слова рыбоведы не умеют. Но звуки не обязательно должны сотрясать воздух, чтобы понимать друг друга.

- Жесты? И рисунки? – Неофит вспомнил, как общался с черем на тропе у Анкетной башни.

- В какой-то мере, - кивнул Наставник. – Но есть и другие способы. Боги помогают нам устанавливать связь друг с другом без слов. Помнишь, Гелертер упомянул отчеты, в которых я докладывал о тебе. Не удивился? Почтальоны вернулись в Храм вместе с нами. А вот отчеты я передавал ежедневно.

- На Кладбище за Радужной Стеной я насмотрелся на разные технические штуки, - вспомнил Неофит поездку с Любой. – В твоём... (Наставник улыбнулся, разрешая дружеское обращение) в твоём кабинете лампа горела без дыма. Вполне допускаю, что можно и связь на расстоянии поддерживать.

- Мы не пользуемся техническими средствами. Во всяком случае, в той мере, в которой зависели от техники древние люди. У Последнего Храма свой путь. Этот путь менее... травматичен.

- Для кого?

- Для всего человечества. И для равнины. Для всего мира лучше, когда люди дружат с богами, чем с техникой.

- Когда... ты говоришь о богах, ты имеешь в виду конкретных... существ? Во плоти?

- Это уже кому как удобнее. Важно ли, как ты персонифицируешь силу, если ты умеешь ей пользоваться?

- Персо... - Неофит споткнулся в середине слова, на равнине длинные слова были не в чести.

- Олицетворять, очеловечивать, одушевлять, придавать абстракции тот вид, в котором тебе комфортно будет с ней взаимодействовать, - пояснил Наставник.

- И как заручиться поддержкой этих ваших богов?

- Ты, прям, хочешь годы учения упаковать в один разговор, - улыбнулся Наставник. – Разве что общие положения. Чтобы пользоваться силой, нужно ее, во-первых, чувствовать, а во-вторых, знать ее имя. Любое могущество začínалось именно так: вначале люди осознавали наличие некоей силы, способной на то или на это, созидать или разрушать, а потом коллективно давали ей имя. Со временем имена остались, а вот ощущение силы сошло на нет. Форма победила содержание. Но бывало и наоборот: содержание одерживало верх над формой.

- Например?

- Существовала некогда, до всех Эпох, такая религия: викка. Название это имело общий корень со словом «ведовство». Викканы считали себя ведьмами и ведьмаками. Были уверены, что владеют силой самой Природы, ведают ее тайные замыслы. На самом же деле были, по сути, невеждами. Силу-то некоторые из них ощущали, а вот имен не знали. Поклонялись абстракт-

ной паре – Богу и Богине. В конце концов, все религии древности так и заканчивались: запускали мельницу обрядов, которая со временем начинала крутить жернова вхолостую, перетирая пустоту. Нам пришлось восстанавливать разомкнутые сцепки, вспоминать имена, просить помощи – все по крупице, день за днем, год за годом, век за веком. До сей поры ищем и находим новых друзей среди древних богов.

- Рыбоведы тоже могут... говорить с богами?

- С нашими? О, нет! У рыбоведов свои боги. Их имена нам неизвестны, а знали бы, все равно произнести бы не смогли. Рыбоведы иначе конкретизируют абстракции, невербально.

- Не знаю многих слов, - признался Неофит.

- Для своего имени, мой друг, ты знаешь предостаточно, - похвалил Наставник. – Для того сюда и пришел, чтобы узнать больше. Начнем завтра. Сегодня отдыхаем. Покажу тебе комнату. Мы называем их кельями, но в сравнении с монашескими кельями древности наши уж слишком благоустроены. Постели мягкие, света вдосталь, в каждой есть душ, питаемый горячими источниками, и прохладная ниша для хранения продуктов. Приводи себя в порядок, а через час к тебе приду я с бочонком медового эля от наших рыбоведов.

3.

Права, права Ар-Волк, права старейшины в Совете Кланов: преждевременно начинать экспансию. Каждое поколение верит, что событие это свершится на их веку, но обстоятельства неодолимой силы снова и снова рушат планы. За долгие столетия вынужденного заточения в Пирамиде периметр превратился в недостижимый горизонт, в своеобразную религию, в светлую мечту, в абстрактную идею.

Когда грянуло Большое Несчастье и периметр закрыли, был страх, ничего, кроме страха. Пирамида только в мечтах и декларациях была неприступной крепостью. На самом же деле каждая трещина в броне, каждая молекула наружного воздуха, каждый сбой в системах внутреннего жизнеобеспечения могли стать трагически роковыми. И тогда бы кончилось все. Человечеству уже не пришлось бы начинать сначала. Не стало бы человечества. Еще более жестко эту опасность ощущали в Пирамидах на дне океана и на орбите.

Да, были еще две Пирамиды – на орбите и на дне Океана. Вспомогательные резервы, страховочные парашюты. Основную надежду возлагали на Пирамиду в пустыне. Многие годы подготовки, неисчислимые ресурсы, лучшие кадры – все было вложено в этот проект. Ради спасения человечества. И они спаслись – полмиллиона в пустыне, сто тысяч в океане, пятьдесят тысяч на орбите. Лучшие из лучших, сливки человечества, его остатки. Или останки.

С безмолвным ужасом наблюдали они, съезженные за хрупкими защитными мембранами, как гибнет планета. Спутники наблюдения один за одним выходили из строя, вначале пропала связь с океанистами, потом с космическими. В надежде сохранить то, что еще можно было сохранить, Пирамида превратилась в гигантскую пустынную черепаху, втянув все «мягкие» ткани в четырехгранный панцирь. Пустынники оглохли, ослепли, замкнулись в себе.

Пять поколений сменилось, прежде чем вначале робко, а потом все смелей стали посылать стайки бездушных разведчиков, чтобы исследовать прилегающую территорию. Часть гибла, но большинство возвращались. Разведчики принесли вести о бескрайних безжизненных пространствах, о горной гряде, которая после Большого Несчастья изменила очертания и стала похожа на спящего каменного Дракона, о загадочном Лесе, что скрывал правый бок Дракона зеленой чешуйчатой мантией. А также вести о новой жизни.

На равнине жили люди. Всего несколько маленьких деревушек вдоль горной гряды, которую эти равнинные жители называли Немым хребтом. Но даже этого было достаточно, чтобы вызвать ликование в Пирамиде. Как только были обнаружены первые поселения, Совет принял

решение: немедленно отправить исследовательские подразделения для установления контакта и подготовки скорой экспансии.

Начались форсированные тренировки операторов. Тысячи специалистов выбрались из Пирамиды. Отряды в экзодоспехах выполняли перестроения на широких улицах технолагеря. Самолеты взмыли в небо, ожили могучие транспортные и строительные механизмы. Были запущены спутники, восстановлена связь с другими Пирамидами. Человечество возвращалось на равнину, чтобы начать все сначала.

И грянула эпидемия. Люди не гибли от болезней, просто упала рождаемость. Как только подозрения стали медицинским фактом, Совет свернул все приготовления к экспансии. Океанистов и космиков поставили в известность, развернули совместную борьбу с неведомой бедой. Этажи Пирамиды с новой силой захлестнул страх.

Безнадежны были усилия ученых аналитиков. Опустели этажи Пирамиды, что не так давно были наполнены деловой суетой. Те, кто вчера рвался на свободу за периметр, теперь бежали от пустыни, взбирались как можно выше, как можно ближе к Вершине. В Совете изменили решение: вновь обратили взоры на равнину, на ее жителей, на тех, кто сумел выжить и приспособиться после Большого Несчастья. Именно в этих умениях – выживать и приспосабливаться – задумали искать спасение.

В пустых коридорах промежуточной зоны зашелестели серводвигатели экзоскелетов. Снова начались тренировки по развертыванию мобильных подразделений. Если прежде специалистов приходилось отбирать из множества желающих, то теперь исследователей назначали распоряжением Совета. Со дня на день десанты операторов должны были устремиться в каждое из поселений вдоль Немого хребта. Захват власти, медицинское обследование населения, забор анализов, попытки оплодотворения фертильных самок.

Кто знает, в какую цепь соединила бы история дальнейшие события, если бы не удивительный прорыв орбитальных генетиков. Не так важно, что именно помогло космическим ученым – вакуум, невесомость, близость Солнца, эллиптическое ускорение – главное, что цель была достигнута: пробитую в молекулярных цепях прореху залатали, в родильных залах Пирамиды вновь зазвучали детские крики.

Подготовку к экспансии перенесли на неопределенный срок. Все чаяния Совета были направлены на восстановление численности населения, на перезапуск механизма смены поколений. В среде пустынников такое решение вызвало глухой ропот. Многие мечтали о свободе. Она была так близко, и вот железный занавес, опущенный волей Совета, опять заточил людей в периметре. Дети и внуки тех, кто еще недавно в страхе взбирался на самую Вершину, теперь требовали открыть все двери.

Особенно яро негодовали жители Основания. План экспансии был разработан заранее, еще до Большого Несчастья. В соответствии с этим планом специалисты Основания осуществляли техническую поддержку, не принимая непосредственного участия в расселении по равнине. Несогласных было много. Протестные настроения быстро распространились по подземным этажам и предсказуемо перекинулись на верхние. Назревал бунт. Организаторы подзуживали молодежь, провоцировали на опрометчивые поступки, на открытое противление воле Совета.

В назначенный день более тысячи радикально настроенных пустынников громким маршем прошли по коридорам Пирамиды, захватили подразделение учебных, к счастью, доспехов и при их поддержке проследовали к выходу. Подземные и верхние этажи слились на нулевом уровне. Толпа хлынула на просторы технопарка с явными намерениями: захватить достаточное количество транспортных средств, чтобы переправить всех желающих в большой мир.

Медлить было нельзя. Отпустить восставших на равнину означало полностью разрушить генеральную стратегию и отдать развитие дальнейших событий на волю случая. Это могло привести к концу человечества как вида. История прекратила бы течение свое.

Члены Совета – и это подтверждает протокол того героического заседания – колебались не долго. Отважные старейшины-руководители приняли на себя тяжелую ответственность. За мятежными беглецами закрылись двери, лишая их возможности вернуться. Именно тогда был прописан один из главных законов Пирамиды: «Кто за периметром, тот не гражданин».

Несколько боевых машин получили задание и без операторов, в автоматическом режиме в считанные секунды уничтожили всех, кто метался по открытому пространству, не находя защиты у враждебных беспощадных механизмов.

Только десять бунтарей спаслись от побоища за броней украденных экзоскелетов. Старейшины подвергли эти доспехи внешней блокировке, пользуясь правами доступа иерархов с наивысшим статусом. Как только сдавшиеся горе-операторы покинули укрытия, они также были уничтожены расстрельным залпом пульсаров. Любая зараза – будь она вирусной или идеологической – должна быть обезврежена и стерта. На благо человечества. Во имя его.

Этот акт назидания транслировали прямым потоком на всех этажах Пирамиды. Любое антиобщественное действие имеет последствия – об этом должен был знать каждый. Естественно, реакция масс была неоднозначной. Разумные взвесили аргументы и прониклись их справедливостью, терпеливые смирились. Неразумные, но терпеливые глухо роптали. Неразумные и нетерпеливые выступали открыто против жестокости Совета и были изолированы. Без прямой трансляции. Тихо. По одному.

Наивысший иерархический статус предоставлял Совету старейшин самые широкие полномочия, безраздельную власть, безграничные возможности. Даже находясь в симбиозе с самым смертоносным механизмом, любой оператор понимал: его директива может быть заблокирована извне. Да и доступ к механизмам для операторов, пусть и в учебных целях, на время ограничили до минимума.

Нельзя сказать, что в Совете царило полное взаимопонимание. Бунтари нашлись и в рядах старейшин. Но в смутные времена власть опирается на сильных и решительных. После трагических событий, что были спровоцированы «маршем несогласных», в руководстве Пирамиды также произошли структурные изменения.

Численность Совета сократили почти вдвое: из ста его членов у власти остались только пятьдесят пять. При этом единый Совет Пирамиды был разделен на две части: тридцать старейшин составили Совет Вершины, верховный орган правления; двадцать пять старейшин вошли в подструктуру с ограниченными полномочиями – в Совет Основания. Доступ к боевым механизмам для всех пустынных Основания, в том числе, и для старейшин, был полностью заблокирован.

Началась эра восстановления порядка. Нужно было в кратчайшие сроки усмирить недовольных, утешить скорбящих, восстановить силы, наладить быт, избавиться от страха. Сама собой сложилась жесткая иерархия статусов. Наследственная передача опыта послужила причиной специализации Кланов. Между Кланами Основания и Кланами Вершины физические контакты были запрещены – в целях идеологической и медицинской изоляции.

Популяция была приведена к тщательно рассчитанному оптимуму. Совет законодательно утвердил квоты: тысяча человек в клане. Шесть Кланов Вершины и пять Кланов Основания таким образом составляли одиннадцать тысяч человек – малая часть от того полумиллиона, что приняла Пирамида на старте проекта.

Система образования претерпела радикальные изменения. Клановые гимназии на Вершине были упразднены. В Основании оставили только потому, что Клан Основания имели узкие технические специализации. Обучение подрастающих поколений осуществляли теперь в единой трехступенчатой гимназии. На Вершине клановые учителя передавали опыт по специальности Клана.

Лисы сосредоточились на флористике, в их ведомстве оказались этажи оранжерей. Животноводством занялись анималисты Коты. Анализ информации был доверен Клану Змеев.

Аналитики всегда были основной стратегической опорой Совета. Информация для анализа поступала от наблюдателей – Клана Тигров. Львы всегда были лучшими инженерами, они отвечали не только за бесперебойное функционирование жизнеобеспечивающих систем, но и за технические инновации, научные прорывы, непрерывный прогресс. Специальный отдел в Клане Львов занимался глобальными медицинскими исследованиями, хотя в каждом Клане была своя оперативная медицинская служба.

Идеология, общие образовательные предметы, воспитание – все это было доверено наставникам, Клану Волков. Именно Волки наиболее отчетливо определили свою позицию в смутные времена, именно Волки, решительно выступив единым фронтом, спасли Пирамиду от массового бегства пустынников, от краха стратегических планов, что были разработаны еще до Большого Несчастья.

Кланы Основания также были разделены по функциональным обязанностям. Элитой обслуживающих этажей был инженерный Клан Вязов. Вязы осуществляли общее руководство всеми службами подземелий. И Вязы были наиболее лояльны по отношению к Вершине.

Информация о положении в Пирамиде и о событиях за периметром поступала сверху. Чтобы избежать революционных рецидивов, объем и содержание информационных потоков пропускали через разработанную Волками систему фильтров. За обработку такой «отфильтрованной» информации в Основании отвечал Клан Кленов.

Все, что связано с живительными энергетическими токами, пронзающими Пирамиду от нижнего этажа Основания до самого пика Вершины, находилось в ведении клана Буков. Солнечный свет, течение подземных вод, перепады температуры за периметром, равнинные ветра – все это служило для Пирамиды источниками энергии.

Разработчики проекта позаботились о питьевой воде. На двухкилометровой глубине подземное течение расточило карстовые породы и образовало большой бассейн, настоящее озеро. К озеру были прорыты туннели, проложены коммуникации. Гимназистов водили сюда на экскурсии несколько раз в год, чтобы дети могли полюбоваться изумрудным свечением подземных вод.

Туннели могли быть надежно перекрыты в том случае, если бы Большое Несчастье превратило пресную подземную реку в яд. Для удовлетворения потребностей в питьевой воде Пирамида вполне могла бы обходиться продуктами вторичной переработки, а также очищенным конденсатом, добытым из системы вентиляции и собранным на поверхностях внешних стен. Но озеро выжило – сохранило кристальную чистоту. И было включено в систему водоснабжения Пирамиды. Обслуживанием этой системы занимался Клан Елей.

Дубы занимались переработкой всех утилизируемых отходов. Вторичная переработка – один из трех китов, на которых держался привычный уклад Пирамиды. Два других – неиссякаемые энергетические ресурсы и контроль рождаемости. Каждый Клан имел в этом замкнутом мире свою зону ответственности. Каждый пустынный был важен для Клана, для Пирамиды, но при этом никто не был незаменимым.

Древние работали над проектом долго и тщательно. Предусмотрели все возможные критические ситуации. В штатном режиме (хотя какие же «штатные» режимы после Большого Несчастья?) Пирамида функционировала как единый организм. Но в случае непредвиденных обстоятельств Основание и Вершина могли полностью разорвать коммуникационные связи и продолжить работу как два самостоятельных изолированных друг от друга объекта. Поэтому в Кланах Основания никогда не возникало искушений шантажировать Вершину, намекая на возможность прекратить техническое обслуживание верхних этажей.

В Основании сохранили клановые школы. Образовательный упор делали на специальные знания, поэтому в единой межклановой гимназии не было необходимости. Детей из Клана Кленов с малых лет обучали работе с информационными потоками. Распределять потоки энергии обучали Буков. Властелинами потоков водяных со временем становились юные Ели. Воз-

вратными потоками, требующими переработки, учились управлять Дубы. Вязов готовили быть администраторами всего этого сложного сплетенного из различных потоков узора.

Общие предметы дистанционно преподавали наставники Вершины. Волки знакомили школьников с доисторией, с теми событиями, что предшествовали Большому Несчастью. Безусловно, курс доистории был тщательно очищен от противоречий. Все сложное было упрощено, все неопытное – отмыто, все складки на ткани исторического процесса разглажены. Все, что могло спровоцировать вопросы, было заключено в удобные смысловые капсулы таким образом, чтобы ученик легко мог сделать выбор между «да» и «нет», чтобы никто из слушателей в аудитории не колебался между «хорошо» и «плохо».

Все трактовки были заботливо подготовлены, все разночтения были искусно сведены к единому пониманию. Сделано это было с известной светлой целью: никто не должен был использовать противоречия прошлого для разжигания противоречий в будущем.

Другим профилем наставничества была квантовая социология. Этот предмет – более поздняя, модифицированная версия тех занятий, что на заре развития педагогической мысли носили название «уроки общественного мнения», или «ОМ-тренинги». Квантовая социология – дисциплина, краткая по содержанию, но сложная для усвоения, – включала в себя всего шесть законов. Но лишь тонкое мастерство наставников позволяло превратить абстрактные положения науки в основу мировоззрения гимназистов.

Порядок в Пирамиде, благодаря искусному служению наставников, восстановился быстро и воцарился надежно и надолго. Совет старейшин поставил перед Кланом Волков задачу: воспитывать миролюбивые поколения конформистов, направляя бунтарские порывы в общественно полезные русла. И все равно на каждом потоке кое-кто из гимназистов третьей ступени нет-нет да и устремлял мечтательный взор за периметр. Это противоречие – между верой в экспансию и верой в порядок – не могли устранить никакие усилия наставников.

Права Ар-Волк, правы старейшины в Совете Кланов: пустынные совсем не готовы нынче к экспансии. Слишком мало нас осталось. И слишком много еще требуется работы. Нашей работы, наставничества, чтобы подготовить неопытных юнцов к ответственной миссии.

Грязная эта штука – экспансия. Та девчонка, что пришла с равнины, оживила танк, угнала мобиль, открыла дверь в Пирамиду. Техника признала ее, система распознавания не нашла отличий. Наши они. Такие же, как мы. Стоит выйти за периметр, расселиться по равнине, смешаться с аборигенами, и дети от смешанных браков с каждым поколением все меньше будут вспоминать о замкнутой жизни в огромном здании, о великой миссии, что была возложена погибшими предками на спасшихся потомков.

Не будет больше никакого «во имя человечества». Равнина сотрет память, уничтожит доисторию, разорвет связь между прошлым и будущим. Равнина живет настоящим. Равнине не нужны Клан, равнине нужны ремесленники. Не станет Кланов, не нужен будет и Совет Кланов. Старейшины утратят власть. Вакуум власти породит хаос в отношениях. Общество, которое многие века скрепляли страхом, трудами и кровью, перестанет существовать. Исторический процесс вновь превратится в самовольный непредсказуемый поток. И, в отсутствие контроля, все начнется лишь затем, чтобы снова закончиться.

Не допустят старейшины такого развития событий. Экспансия стартует только тогда, когда Совет предусмотрит все варианты, выберет наилучший, самый надежный, эффективный и безопасный. Аналитики составят план действий и будут абсолютно уверены в его неременной реализации. Вот тогда наставники из Клана Волков получают от Совета вводные данные, в соответствии с которыми скорректируют воспитательные программы, чтобы подготовить такое поколение пустынных, которое сумеет безукоризненно выполнить социальный заказ.

Такие мысли заняли Ву-Волка после его разговора со старейшиной Ар-Волк. Он рассеянно кивал, отвечая на приветствия редких встречных пустынных. Никто не гулял празднично по коридорам. Все были заняты важными делами, все работали на благо Пирамиды. Те, кто

не был занят, либо отдыхали на жилых уровнях своих Кланов, либо проводили время в залах собраний. Здесь, в полутьме и тихой неге, можно было выпить и поесть в уединенном уголке или найти себе партнеров для бесед или ни к чему не обязывающего интима.

4.

Трудно было привыкнуть к многократной смене имен. Жрец пересекал «полог Гекаты» Почтальоном, а возвращался Охранником, месяцами трудился по хозяйству простым Служителем, а потом уходил на равнину Миротворцем, Бухгалтер вошел в Храм Наставником, а сам Трубадур стал Неофитом.

И только Ученые Последнего Храма редко меняли имена. Их искусство требовало таланта, многих лет подготовки, специальных знаний. Физики изучали окружающий мир, Историки восстанавливали древние знания, Филологи возрождали силу забытых слов, Теологи шаг за шагом прокладывали тропинки к могуществу уснувших богов.

Ремесло Трубадура требовало твердой памяти, и, хоть Неофит в прошлом был хорошим Трубадуром, но даже для него уже пробужденных богов было много. Слишком много. К тому же, у каждого бога часто было по несколько имен. Эти имена перекликались друг с другом. Порой одни и те же имена принадлежали разным богам или один и тот же бог мог выступать под разными именами.

В первые дни Гелертер часто прогуливался с Неофитом по территории Храма, знакомил с местным укладом, водил по кельям Жрецов, подолгу задерживался у алтарей и ровно, но отчетливо повествовал о древних богах, которых Жрецы пробудили ото сна, от многовекового забвения и призвали на помощь. Неофит слушал внимательно, но часто путался, терял связующие нити, виновато переспрашивал, просил разъяснений, но все равно не понимал многого.

- Почему так сложно? – однажды спросил он в сердцах, когда в очередной раз заплутал в сферах божьей ответственности. – Почему все это не объединить в какое-нибудь одно всемогущее начало?

Гелертер долго не отвечал – тихо хихикал, никак не мог остановиться. Все еще сдерживая веселый звон в голосе, наконец ответил:

- Так пробовали. Древние пробовали. Много веков в этом мраке прожили. Добрались до Большого Несчастья. Теперь нам восстанавливать. Ошибаться нам нельзя, так что по чуть-чуть, не торопясь, вяжем узелок к узелку.

- Как оно вообще работает? – спросил Неофит.

Спрашивал с немалым скепсисом. Он стоял у подножия огромной высеченной прямо в скале статуи. Бородатый мужик, обвешанный пластинами доспехов, в одной руке держал короткий меч, пропорционально не больше мачете, что висело на поясе Неофита; другую руку продел в ремни небольшого круглого щита. Забрало похожего на клюв шлема скрывало лоб, нос и щеки, оставляя лишь узкие прорезы для глаз. По бокам шлем был украшен витыми рогами какого-то вымершего животного.

Рядом, на достаточно большой площадке овальной формы, тренировались несколько Жрецов. То двигались медленно, словно были по плечи погружены в вязкую смолу, то, наоборот, ускорялись так, что превращались в размытые пятна, будто и не Жрецами были, а прыгунами на площади у Радужной Стены. Неофит с немалой завистью смотрел, как мелькают кадуцеи в их умелых руках.

Да, Жрецы умели многое – могли понимать друг друга без слов, сумели приручить рыб-ведов, наверняка в одиночку одолели бы целую банду, выйдя только с жезлом против десятка ножей. Но все это можно было объяснить ремесленным искусством, а не божьим вмешательством. Гелертер же (а вслед за ним и Наставник) с уверенной легкостью говорил о постоянном

скрытом взаимодействии с некими невидимыми, а потому непонятными для Неофита силами. Говорил, как о зимнем дожде, о равнинном ветре или о течении горной речушки.

- Очень просто работает, - откликнулся Верховный Жрец. – Настолько просто, что древним на заре времен пришлось вот, прям, по твоему совету: взять все и объединить, - и настолько выражение это показалось Гелертеру забавным, что он снова захихикал, смешно поводя носом.

- Зачем? – не понял Неофит.

- Чтобы сделать сложным, - Гелертер взял ученика под локоть, и они неспешно направились в новую локацию, в царство другого бога. – Вот представь, - говорил Гелертер на ходу, - что ты и твои друзья случайно наткнулись на некое знание. На поверхности лежит, сияет, но никто не замечает его. А знание это, хоть и простое, как солнечный лучик, но властью наделяет невиданной, возможности дает почти не ограниченные. Что бы делал ты с такой находкой?

- Разделил бы поровну и постарался бы жизнь улучшить, - подумав, ответил Неофит.

- Между кем разделил? Чью жизнь постарался бы улучшить? – быстро подхватил Гелертер.

- Между друзьями бы разделил. А потом вместе бы постарались улучшить жизнь всех...

- Всех?

- Ну, кому смогли бы – помогли, - замешкался с ответом Неофит.

- Так может, между всеми разделить? – прищурил глаз Гелертер. – Пусть сами себе и помогают. Это же не жаркое из мохоеда, не похлебка из зубастой курицы, не бочонок эля, это же знание – поведай, расскажи, разъясни – и пусть себе пользуются.

- А вдруг учудят глупость какую? Люди же разные, - засомневался Неофит. – Если знание такую власть дает, то мало ли кто как применить его возжелает.

- Именно, - согласился Гелертер. – Те древние, что на клад счастливый набрали, так же рассуждали. Ножом можно и обед приготовить, можно и в брюхо пырнуть. Или самому порезаться. А потому не каждому в руки нужно нож совать. Лучше его в умелых руках оставить и другим, неумелым, по возможности и при случае помогать. Вот и решили находку свою как можно тщательнее спрятать. На долгие века.

- В Жрецы Последнего Храма уже после Большого Несчастья этот клад откопали? – догадался Неофит. – В древних книгах?

Последнее замечание заставило Гелертера снова хихикать и поводить носом. Наконец он смог продолжить:

- В древних книгах... Вот скажи мне, в недавнем прошлом – Трубадур, откуда ты черпал сюжеты для своих площадных историй?

- Отец приемный рассказывал. Других Трубадуров слушал. Собирал по крупицам в селениях. Что-то сам додумывал, что-то в редких книгах подсматривал.

- И, если бы хотел самую лучшую свою историю для потомков сохранить, что бы сделал? Рассказал бы как можно большему количеству слушателей? А еще лучше – записал бы в отдельную книгу, чтобы и через века прочитать могли?

- Наверное.

- А если бы хотел свою историю спрятать? Молчал бы? Не записывал? Так рано или поздно кто-то сам бы похожее придумал. Сюжеты расхожие. Слово за слово, да все равно разные путники на одну дорожку выбредают. Ветер в походной суме не утаишь.

- И как быть?

- Есть другой путь. Чтобы спрятать что-то очень ценное, нужно произвести замену. Сокровище в карман положить, а на всеобщее обозрение блестящую безделицу выставить, чтобы все на нее смотрели и в уверенности пребывали, что эта безделица – то самое сокровище и есть.

- И как это сделать в случае с могучим знанием?

- Книги не сами себя пишут, - ответил Гелертер. – Этим люди занимаются. Если бы те, кто знание обнаружил, стали бы его прятать, то лишь внимание привлекли бы к своей находке. И не уберегли – пришлось бы делиться, либо силой бы отобрали. И счастливые кладоискатели нашли самый разумный и самый действенный выход. Они решили это знание подарить всем. Так и объявили: даруем знание всем народам. Написали книгу. Долго писали. Несколько веков. Правили, вычеркивали, добавляли, изменяли по мелочам и по сути. Понемногу подсовывая блестящую пустышку вместо истинного сокровища. Так что в книгах именно ее, пустышку, и найдешь. Веру превратили в религию и раздали, как ту похлебку. Вера – она для многих, а сила – для избранных.

- Не все же верили. Раз на поверхности знание лежало, обязательно кто-то и сам бы нашел, без всяких книг.

- И находили! И спорили! Только их на кострах жгли. Или собирали множество людей с мечами и в доспехах и посылали их топтать, крушить и резать несогласных. Или мягко убеждали-уговаривали. Или вместо одной пустышки подсовывали другую пустышку, подошвернее. И заверяли: вот теперь-то это именно оно, истинное знание. А потом обладатели одной бесполезной убежденности начинали люто ненавидеть последователей другой бесполезной убежденности. И снова войны, кровь, разорение. В этом вся наша древняя история. На этом весь мир наш держится. Вернее, держался.

- Так всегда было?

- Не всегда. Так стало, когда нашли. Пока искали, все было иначе. Время для богов не имеет значения. А вот место – очень даже. Как для течения реки. По склону бежит, по равнине раздольно гуляет. Меж одних камней протиснется, другие – в песок сотрет. Одни деревья влагой напитает, другие – с корнями вырвет и бревнами понесет. В каждом селении боги звучат по-особому. И люди их по-своему слышат. И зовут всяк раз на иной лад.

- Запутаться можно, - улыбнулся Неофит, все еще не всерьез воспринимая рассказы Гелертера.

- Имена разные, суть одна. Вот ты на равнине кем был? Трубадуром. И в Столице – Трубадур, и в Городе – Трубадур, и в Мертвой деревне – тоже Трубадур. Вдоль всего Немого хребта – везде Трубадур. Стеклодув повсюду будет выдувать из стекла посуду, Кузнец – ковать и закалять ножи. Заставь их пасти мохоедов или варить пиво, они справятся, но без огонька и с сомнительным качеством. Боги тоже не любят менять ремесло, если можно так сказать. Так что как бы их по городам и селам не называли, но воинственный бог будет ведать войной, а солнечный – Солнцем, - и Гелертер указал на мужика с мечом, а потом на небо, где в зените белизной слепило Солнце.

- Им тоже ведают боги? – Неофит поднял глаза к небу и тут же прикрыл их рукой.

- Солнцем? Конечно. Только не боги, а бог. И не ведает. Ведать – не совсем удачное слово. Солнце и есть бог. Оно живет своей жизнью, обладает огромной мощью. Все мы пользуемся его щедротами. Тем и живем. Было бы хамством с нашей стороны просить его еще о какой-либо помощи. Мы можем лишь благодарить его и через его подсказки, его посредничество искать другие источники силы, более... ммм... локального значения.

- Солнечного бога так и зовут – Солнце?

- В том числе, - кивнул Гелертер. – Древнее слово, очень древнее. Его корень восходит к значению «рожать». Во многих древних языках корень звучал одинаково. А вот чувствовали силу Солнца по-разному. Прищурил глаза? Не в силах выдержать прямой взгляд бога? Вот и в древности некоторые видели силу не в самом диске, на который невозможно смотреть, а в черном пространстве вокруг него. Так и называли: Амон, «незримый». Могли называть Ра, если говорили о солнечном свете. Иногда объединяли эти имена – Амон-Ра, тьма и свет. Сам солнечный диск – Атон, тоже имя бога. А солнечный диск в окружении неба – Хор. И это только в одном древнем государстве – в Египте.

- Были и другие имена? – с тоской спросил Неофит, понимая, что не запомнит и десятой части из рассказов Гелертера.

- Множество! Инти и Белен, Хорс и Ярила, Пушан и Аполлон, Гелиос и Фаэтон, Шамаш и Митра, Сол и Сурья, Эос и Аврора, Дажьбог и Амаэтэрасу...

- И как древние не путались?

- А чего путаться? Где жили, так и чувствовали; как чувствовали, так и называли. Путаница началась потом – когда малые поселения стали объединять в большие государства. Вот тут возникла задача перед тогдашними Лидерами – собрать всю эту розницу и обозвать все оптом каким-нибудь одним словом. Так боги утратили имена локальные и обрели имена глобальные. Были «духами места», а стали «покровителями народов». Пафоса в религиозном служении стало больше, однако толку от такого служения стало меньше.

- Почему же? – не понял Неофит.

- На равнине ты помнишь себя с двенадцати лет? – спросил Гелертер.

Неофит кивнул – удивляться нечему: конечно же, Наставник передал Верховному Жрецу все подробности бесед, что Бухгалтер и Трубадур вели в Анкетной башне.

- В тех местах, откуда ты пришел у тебя было другое имя?

- Было, но я его не могу вспомнить, - признался Неофит.

- Это имя было твоим и только твоим. Мы обязательно найдем его тут, в Храме. Вернем тебе имя, - серьезно пообещал Гелертер. - Ты откликался на него, так звали тебя родные и близкие. Такое имя для человека – словно звон ручья. На равнине ты получил имя по ремеслу. Тоже откликался, но Трубадуrow на равнине десятки. Чтобы вести с человеком доверительные беседы, нужно знать друг друга по именам. Но если тебе просто нужен нож, ты идешь к Кузнецу, если таблетки – к Лекарю, если эль – к Трактирщику. Тебе уже не важны подробности его жизни, его настроение, мысли, чувства. Тебе важна функция.

- Да, я начинаю понимать.

- Так произошло и с богами. В глубокой древности люди знали богов по именам, вели с ними доверительные беседы. Когда духи мест слились в государственных богов, они стали знаменами, функцией, по-прежнему помогали, но более не говорили с людьми «по душам». В каждом государстве, в зависимости от местности, климата, государственных целей и задач, одних богов возводили на трон, другие теряли свою значимость, скрывались на вторых ролях.

- И среди богов есть Лидеры и Мэры, - усмехнулся Неофит.

- Все относительно, - сказал Гелертер. - Где ждут дождей для урожая, там на троне Зевс, Юпитер или Перун, повелители молний. Где люди промышляют торговлей, там властвует Гермес, Меркурий или Велес. Где народы живут войной, там повелевает Арес, Марс или Один.

- Я слышал эти имена древних богов. Они были героями в моих историях, - вспомнил Неофит.

- Имена-функции, - поправил Гелертер. – Как твой прежний Трубадур или нынешний Неофит. А представь, что тебя будут звать даже не по ремеслу, не по конкретизирующему признаку, а по самому общему твоему свойству.

- Это как?

- «Эй, человек!» Вот так будут звать, - улыбнулся Гелертер.

- Не откликнусь, - признался Неофит.

- Как раз то, что и было нужно счастливым древним кладоискателям! – обрадованно воскликнул Гелертер. – Они нашли простой рецепт общения с богами, очень простой рецепт. Нельзя было такое могущество раздавать направо и налево. Сокровище нужно было спрятать. А прятать лучше всего на самом заметном месте. Проще говоря, чтобы что-либо надежно спрятать, нужно выставить это что-то напоказ.

- Можно объяснить? – попросил Неофит.

- Конечно! По всему миру нужно растрезвонить, что найден кратчайший путь к божьей помощи. Книгу об этом нужно написать. Самую важную. И назвать ее соответственно. Например, «Счастливая книга», «Святая книга» или просто – «Книга». И в этой книге с самыми достоверными подробностями описать путь в божье общество к божьим милостям.

- И направить читателей в другую сторону, - догадался Неофит. – Только читатели же свой разум имеют, со временем все изучат, во всем разберутся и не поверят.

- Значит, нужно так сделать, чтобы поверили. Смешать воедино имена, ремесла, сферы божьей деятельности. Все в одну кашу. Было много богов, каждый со своим именем. Стал один бог с множеством имен.

- Взять все и объединить, - вспомнил Неофит собственные слова.

- Вот тебе один пример для наглядности. На заре времен люди весьма опасались всякую нечисть – злых духов, тоже в своем роде богов, только со знаком минус. Знали всех их по именам, знали, какие напасти каждого из духов мог накликасть, но даже произносить эти имена боялись. Чтобы не призвать. Справедливо считали, что кого по имени назовешь, тот и откликнется. Чтобы уберечь себя от этих темных сил, даже чертили защитные круги: кто за чертой, тот не сунется. А потом придумали простой выход. Заменили имена на пустые слова. Всех, кто за этой самой чертой, так и стали называть: черти. И предмет обозначили, и по имени не позвали.

- Удобно и безопасно, - согласился Неофит.

- И раз со злыми силами такую штуку проделали, почему бы ее не проделать с добрыми? Почему бы всю силу древних богов не спрятать за одним ликом? Обезличенным ликом, прости за тавтологию.

- Не знаю этого слова.

- Не важно. Обезличить богов удалось не сразу. Это была монументальная задача, на многие века. В одном древнем могущественном государстве, что разбросало свои города вдоль полноводной реки, как ныне поселения разбросаны по равнине вдоль Немого хребта, жил весьма энергичный правитель, фараон. Государство называлось Египет, река называлась Нил, а фараона звали Аменхотеп, четвертый в роду носитель этого имени. А само имя обозначало «Амон доволен».

- Амон – один из солнечных богов, - похвастал памятью Неофит.

- Да, «незримый». Скорее, бог всего, что вокруг Солнца. Но Аменхотепу Четвертому нужен был зримый бог. Такой, чтобы ослепил подвластные фараону народы и затмил всех других богов своим нестерпимым сиянием. И фараон выбрал другого бога – Атону, призвал себе в помощники сам солнечный диск. Жрецы, что беседовали с богами тихо и незаметно в подземных храмах, вынуждены были по приказу фараона перенести служение на открытый воздух. Теперь обращение к главному, а со временем к единственному богу Атону проводили при общем собрании народа. Задушевные беседы Жрецов превратились в площадные выступления Трубадуров.

- Что плохого в площадных выступлениях? – заступился Неофит за прежнее свое имя и ремесло, с которыми сорок лет прожил на равнине.

- Ничего, - поспешно заверил Гелертер. – Только цели разные. Общение с богами не терпит мирской суеты. Содержание было спрятано за обрядом. Так полезный разговор превратился в бестолковое распевание гимнов. Но и это еще не все. Чтобы выстроить новое будущее, нужно было стереть прошлое. Сам фараон принял новое имя – Эхнатон, «полезный Атону», дал новые имена всему своему окружению. Провел реформы языка, переведя древние, сильные слова в личный архив, предложив народу новые, бессильные созвучия. И даже летоисчисление стали вести с момента воцарения Эхнатона.

- В Пирамиде я видел такие обозначения на музейных табличках: «н.э.» и «до н.э.». Люба переводила их как «новые Эпохи» и «до новых Эпох». Может, речь идет о до и после какого-нибудь «наречения Эхнатона»?

- Нет-нет! – Гелертера изрядно развеселило предположение Неофита. – Такие обозначения связаны с дальнейшим развитием монотеизма.

- Прости?

- Однобожия, - пояснил Гелертер. – Эхнатон не сумел закрепить новый порядок на века. Он продержался менее двадцати лет, а после смерти был предан забвению. Жречество разозлилось настолько, что безжалостно расправилось и с памятью о самом фараоне, и с культом возвеличенного им бога. Но Эхнатон изобрел способ, как прятать истину за декорацией. И способ этот был усовершенствован его последователями. Культ Атона ушел в подполье. Его последователи подвергались гонениям, скрывались и вскоре были вынуждены покинуть Египет. По легенде Верховный Жрец Атона сорок лет водил свой народ по пустыне.

- Зачем?

- Ну, во-первых, это легенда. А во-вторых, смысл в ней все-таки есть. Одно поколение людей – это примерно двадцать лет, когда новорожденный становится зрелым мужем. Сорок лет – это два поколения. Вот сколько Жен имеют поселенцы на равнине?

- Сколько могут прокормить.

- А представь, что ты забереешь всех своих детей, уведешь их далеко-далеко и расскажешь им, что можно иметь только одну Жену.

- Одну Жену? – рассмеялся Неофит. – Глупости какие! Так не поверят же! Тем более если дети от разных Жен.

- Не поверят, - согласился Гелертер. – Но откуда ж им узнать другую правду, если у них единственный источник информации – ты. И детей своих начнут учить уже по твоим словам. Потому и водил сорок лет, два поколения, чтобы всех прежних богов забыли и, не отвлекаясь на общение с ними, посвятили себя единому и всемогущему.

- Атону?

- Говорю же: способ усовершенствовали. Чем меньше имен, тем лучше. Атон – тоже имя. Чтобы избавиться от него, единого бога стали именовать Яхве – «Тот, кто есть».

- Восхитительно! – не сдержался Неофит.

- Потому что просто, - кивнул Гелертер. – Новую однобогую религию выточили из многобогих древних верований. Она была почти идеальна. Но имела один существенный недостаток: подчиняла себе только один народ. И вот придумали очередной забавный трюк: единого бога размножили. Для одних народов Яхве превратился в Аллаха, для других – в Ахурамазду. Потом объявили, что Яхве вообще запретил называть себя по имени, хотя, по сути, слово «Яхве» именем уже и не являлось. И далее нанесли по связи людей с богами последний сокрушительный удар: единого бога растроили, оставив его при этом единым.

- Совершенно ничего не понимаю, - признался Неофит.

- Разделили на Отца, Сына и Духа Святого. И написали тьму тьмущую книг, чтобы объяснить, как такая троица может оставаться единой сущностью. О понятном и простом книг не пишут. А народу и не нужно было понимать. Народы были уже на той ментально-исторической отметке, когда на смену знаниям пришла вера. Не нужно понимать, нужно верить – хоть в Аллаха, хоть в Яхве, хоть в Ахурамазду, хоть в Отца, хоть в Сына, хоть в Духа Святого. Большинство на тот период выбрало Сына.

- Для меня все это какая-то похлебка из бестолковых вещей.

- В этом и была цель. Толковое спрятать за бестолковым. Монотеизм стал, по сути, антиподом веры в богов. Стал антирелигией. Увел массы от того сокровища, которое нашли счастливые кладоискатели.

- Так что же они все-таки нашли?

- Два непереносимых условия для доступа к силе богов. Они просты. Во-первых, эту силу нужно чувствовать. Нельзя получить то, чем не можешь воспользоваться. Монотеизм веками активно проникал в сознание масс, отсекал это чувство, как Радужная Стена на площади отсекает равнину от краев, где сбываются мечты. А во-вторых, нужно знать, к кому обращаться за помощью. Нужно знать имя.

- Чувствовать силу и знать имя, - повторил Неофит.

- Именно в такой комбинации, - кивнул Гелертер. – Недостаточно просто чувствовать некие «вибрации эфира» и взывать при этом к Матушке Природе или абстрактному Богу Отцу. Пробовали. Некогда существовало такое мистико-магическое движение – викка. Собственно, на одном древнем языке, германском, слово «wikk» означало именно магию, ведовство. Только никакого отношения к «веданью» это движение не имело. Считали себя язычниками, возрождали утраченные связи с природной силой. Чуть ли не каждый из них писал свои гримуары. Они их называли «Книгами Теней». Силу они, безусловно, чувствовали. Некоторые из них. Единицы. А вот имен не знали. Вернее, имени. Тоже у них все в кучу было намешано. Назначили сами себе монобожество, а потом так и определили: имя его никому не известно. Могли «Королем» звать, могли «Единым». Но чаще звали «Богиней Матерью» или «Триединой Богиней».

- Тот же белорунный мохоед, только черного цвета, - усмехнулся Неофит.

- Так и есть, - согласился Гелертер. – Имен не знали, поэтому сами себе были Жрецами, а передать свое чувство не могли – ни ученикам, ни по наследству.

- А Жрецы Последнего Храма могут? – спросил Неофит с некоторым сомнением.

- Мы ищем, - вздохнув, ответил Гелертер. – Ищем многое в едином, единое во многом. Иногда находим. Редко, но все же находим. Нам иначе нельзя. Большое Несчастье смело все до основания. Вот от этого основания и строим. По кирпичику. Осторожно. С верой и надеждой. И с божьей помощью.

5.

Залы собраний занимали целый этаж Пирамиды. Ву-Волк шел на этот общий ярус со смешанными чувствами, с неудобным настроением. В такие дни его всегда преследовал назойливый шепот сомнений. Очередной юный романтик решил сделать этот мир чуточку лучше. Заимел мечту, однако не учел рисков. Мало ему этих коридоров, залов, этажей, аудиторий. Тесна ему Пирамида, тянет его за периметр.

Вся история человечества такова: мало, мало, мало – территорий, людей, ресурсов, влияния. Вечное стремление к расширению. И нельзя остановиться, потому что рядом живут такие же – люди, государства, народы. Им тоже мало, подавай больше, заберут все, до чего могут дотянуться, - заберут ничейное, чужое, твое. И пока один ночует в пыли, другой уже строит дом. И рад бы жить в этом тихом доме, но надо подминать под себя город, потому что не сделаешь ты, сделают другие. Придут, отберут твой дом и построят на этом месте дворец. Не твой – их дворец. А ты будешь жить в пыли. Потому что ты просто однажды остановился. Просто сказал себе и другим: мне больше не мало, мне – хватит.

Может, правы эти юные романтики? Может, действительно засиделись мы за надежными стенами убежища? К чему приведет нас осторожное наблюдение за равниной при полном отсутствии активных действий? Да и хотят ли старейшины экспансии? Или манят пустынных светлой идеей, как выжное животное манили морковью на палке, как до Большого Несчастья манили сектантов обещанием второго пришествия?

«Вот выпустил бы сегодня мальчишку за периметр, - подумал Ву-Волк. – Глядишь, и добрался бы он до Города в своем экзоскелете. А там уже не важно, что натворил бы – попытался бы подмять под себя равнинных жителей, будучи неуязвимым за прочной броней, или

аборигены выковыряли бы его хитростью из этой скорлупы, или сам бы вышел в мир с благой вестью: вы не одни! В любом случае, жизнь бы изменилась. Пирамида и равнина соприкоснулись бы, к подножию нашего убежища устремились бы все, кто ищет ответов, все, кто жаждет власти, все, кому нужны перемены».

Так подумал Ву-Волк и тут же пресек никчемные мысли. Не пустили бы мальчишку. Пройди Ди-Лев мимо зрителя, его остановили бы наблюдатели, как только засекли бы движение за периметром. Куда бы ни добрался беглый гимназист, везде достали бы его, заблокировали бы доспехи директивой высших статусов иерархии. Если бежать, то налегке, без технологического оборудования. Хотя теньям на равнине все равно, голый ты или в танке, - выжмут с потрохами, проверено добровольцами.

Зал собраний встретил полутьмой и тихой фоновой музыкой. Раньше музыкой называли звуковую гармонию, когда звуки, сотканные в определенной последовательности, лились бодрой или спокойной, задорной или печальной мелодией. В Пирамиде музыка звучала иначе: сенсоры услужливо считывали температуру тела, скорость движения, мимику, настроение – все то, что ученые называют «кинесикой». Считывали и предлагали соответствующий фон – ненавязчивый, обволакивающий, как теплая вода в ванной.

По залу собраний – вернее, множеству залов, соединенных в общий ансамбль, - можно было бродить днями, всякий раз находя новые радости: любовь, общение, выпивку, еду, игры, тишину. Что еще нужно человеку? Ради чего еще стоит жить? В рабочих кабинетах и лабораториях пустынные могли заниматься любимым делом, в залах собраний – отдыхать. Под мудрым руководством Совета Кланов, не испытывая дефицита в продуктах, чувствуя себя в безопасности, имея возможность социальной реализации, жители Пирамиды могли жить в свое удовольствие. Если бы не бомба, заложенная вдохновителями проекта тысячелетия назад – мечта выйти за периметр, мечта вернуться.

Пирамида была создана, чтобы сохранить жизнь, а когда опасность минует, стать источником новой жизни для обновленного мира. После Большого Несчастья проект продолжил существование в автономном режиме, и за века в Пирамиде был создан свой мир - замкнутый, самодостаточный, почти совершенный. Здесь все было подчинено клановой специализации и строгой статусной иерархии. Все механизмы – и технические, и социальные – работали слаженно, эффективно, надежно. Инженеры, наблюдатели, наставники умело поддерживали созданный порядок.

Выйти за периметр означало бы разрушить этот порядок. И приступить к созданию нового. Начать сначала. Собственно, так и было задумано основателями Пирамиды. Были рассчитаны сотни возможных вариантов развития событий. На каждый вариант составлен подробный план. Вот только все эти планы пришлось пересматривать после трагических событий, связанных с первой попыткой экспансии. Теперь же Совет Кланов вынужден был задействовать аналитиков уже не для пересмотра сценария великой миссии, а для написания совершенно иного, соответствующего сложившимся обстоятельствам.

Статус зрителя был совершенно не обременительной заботой и носил, скорее, номинальный характер, но, благодаря ему, Ву-Волк имел возможность говорить со старейшинами своего Клана не только по протоколу. Старейшина Ар-Волк некогда преподавала квантовую социологию в третьей ступени на том потоке, где учился Ву-Волк, и теперь относилась к своему повзрослевшему ученику с покровительственной приветливостью. Ву-Волк справедливо подозревал, что контроль за промежуточной зоной на него был возложен по ее рекомендации.

Зритель помнил, как шел, почти бежал на аудиенцию к старейшине в первый раз. Тогда беглянкой оказалась Ос-Змей, девчушка из аналитиков. Наслушалась в клановом секторе разговоров о планах и перспективах и решила поучаствовать лично. Тихая была девочка, скрытная. Наставники до самой третьей ступени не были уверены в ее намерениях. Можно

сказать, чуть не упустили. В педагогическом смысле. Конечно, никто бы не выпустил ее за периметр.

Ос-Змей недаром была из аналитиков – подошла к побегу нестандартно. Не стала ломиться напрямую к шахтам, как это сегодня сделал Ди-Лев. Взяла под контроль инженерный бот и с его помощью попыталась демонтировать внешнюю панель. Потом сползла бы по стене к основанию Пирамиды – в доспехах это не составило бы труда. А бот в это время восстановил бы защитную обшивку, словно и не было ничего.

Для Ву-Волка это был первый контролируемый побег, так что смотритель решил проявить творческую инициативу – для педагогической наглядности. Да и добираться до места «прорыва» было далековато: Ос-Змей для своих целей облюбовала потаенный уголок в самом заброшенном секторе промежуточной зоны. Вместо стандартного перехвата управления смотритель направил к месту побега подразделение автономных доспехов. Могучие боевые силуэты должны были убедить девчущку в бесполезности затеи и сопроводить в его рабочий кабинет. Но та оказалась дерзкой: атаковала бездушных истуканов и постаралась оторваться от преследования.

К счастью, спешила она в нужную сторону. И к еще большему счастью, Ву-Волк дал доспехам четкую директиву: окружить и сопроводить. Девушка рисковала: боевые рефлексy были настроены на мгновенное отражение атаки. Пульсары бы применять не стали, но потрепать могли изрядно. Когда смотритель выговаривал все это непослушной ученице, Ос-Змей сверлила его гневным взглядом, огрызалась и не хотела слышать доводов разума. Даже доспехи покидать отказалась. Так и пришлось ее отправить к наставникам – в боевой скорлупе.

И вот с этим красочным рассказом спешил тогда новоиспеченный смотритель в клановый сектор к старейшине. От девочки-бунтарки услышал он тогда тот же тезис, что сегодня высказал юный Ди-Лев, а до него – каждый пойманный в промежуточной зоне беглец: главное начать, нужен первый толчок. А старейшина с той же ровной улыбкой так же ответила ему тогда: нельзя разрушать порядок ради экспансии.

Прежде тут, в залах собраний, устраивали общие мероприятия для многих тысяч людей. Были в Пирамиде традиции и ритуалы, требующие массовой экзальтации – и гимны распевали, и пламенные речи выслушивали, и клятвенные обещания давали, и выбирали, и назначали, и порицали, и миловали. Звучали каскады торжественных звуков, проходили состязания, устраивались пышные празднества. В прошлом, до трагических событий, снизивших популяцию пустынных в пятьдесят раз.

Теперь залы собраний служили одной цели – весь этаж стал местом проведения досуга. Сюда устремлялись все, кто были свободны от работы, кто справились с текущими обязанностями. Все, готовые пить, любить, играть или просто ничего не делать в расслабляющей полутьме. Здесь можно было бы бродить часами и не встретить человека. Некоторые так и поступали, когда хотели сбежать от служебной рутины и привычных утомительных слов. Но для тех, кто приходил в залы собраний за общением, существовали своеобразные точки сбора – самопроизвольно возникшие локации, где можно было провести время в кругу близких по интересам, по духу людей.

Встречались не по клановой принадлежности, не по профессиям, не по статусу, не по возрасту. Залы собраний были открыты для каждого, кто окончил третью ступень гимназии. Раз в году здесь гудели выпускники – вступали во взрослую жизнь. Великое смешение происходило на таких мероприятиях. Здесь вчерашние мальчишки и девчонки сбрасывали гимназическую форму, хвастались обещанными назначениями, заводили новые знакомства, отдалялись от сверстников с учебного потока, находили новые круги общения и порой закрепляли за собой место в таких «полях комфорта» на всю жизнь.

Во все времена молодежь с большим энтузиазмом ныряла во взрослую «вседозволенность», тонула в безлимитном алкоголе, смущала старожилы неприкрытыми безудержными

оргиями, по одиночке и стайками новоиспеченные взрослые нетрезво вторгались в устоявшиеся круги общения, бестактно прерывали чужие разговоры, за что нередко получали порицания от старейшин своих Кланов.

Как учитель доистории Ву-Волк знал, что в древние времена интимная близость подразумевала соблюдение строгих ритуалов. Трудно поверить, но сексуальные контакты прежде были весьма избирательны, вплоть до немыслимой крайности – замкнутых коллективов, нередко состоящих всего из двух (!) партнеров. Учитывая ту скорость, с которой в прошлом протекали процессы старения, современные пустынные жители могли только догадываться, какие эстетические муки переносили древние люди, вынужденные из года в год наблюдать за неумолимым увяданием единственного полового партнера. Отсюда драмы и трагедии, запечатленные в многочисленных культурных памятниках того времени.

Сколько раз на уроках Ву-Волк наткнулся на стену непонимания, пытаясь объяснить ученикам пронзительный эмоциональный аспект «любовных треугольников», значение выражения «супружеская измена» или загадочное общественное порицание «случайных связей». Ученики только смущенно улыбались. Их моральные устои, сформированные Кланами и наставниками, восставали против такого архаичного мракобесия, выдавая прочно засевшие в головах паттерны: «насилие над личностью», «ограничение свободы», «девиантное поведение».

Для тех, кто вырос на Вершине Пирамиды, существовало только одно ограничение сексуальных контактов – отсутствие взаимного желания. Все остальные ограничения они признавали отвратительным извращением и облегченно вздыхали, когда переходили от быта и традиций древних людей к персоналиям, событиям и фактам доистории.

Наставник понимал, как возникла эта мировоззренческая пропасть между прошлым и настоящим. Жизнь в Пирамиде была максимально рационализирована. Естественное зачатие, продолжительная беременность, муки родов – все это представлялось в этом стерильном мире непозволительной роскошью. Все эти вопросы лежали ныне в сфере медицинской, а не социальной. Контроль рождаемости – основа основ, одна из трех ключевых составляющих самого существования Пирамиды. Здесь не было места человеческой прихоти или природной случайности.

В древности медики помогали женщине родить ребенка, а наставники помогали отцу этого ребенка воспитать. Теперь медицина полностью приняла на себя заботы за весь процесс от зачатия до формирования плода. От родителей требовался только генетический материал. А воспитание подрастающих поколений находилось в исключительной зоне ответственности наставников, Клана Волков.

Институты семьи, материнства, отцовства были упразднены естественным образом. На смену семье пришли Клан, старейшины и наставники приняли на себя обязанности отцов и матерей. На Вершине не было браков, ни моногамных, ни полигамных – никаких. Мужчина и женщина, не задумываясь о продолжении рода, могли относиться к сексу исключительно как к источнику удовольствия или опыту социального взаимодействия. Сексуальные контакты из сакрального действия превратились в одну из форм бытовой коммуникации. Интимное, сохранив название и форму, перестало быть интимным по содержанию.

Никто не использовал личное пространство для личной жизни. Трансформировалось само понятие «личная жизнь». Естественные отправления, сон, размышления – вот и все причины для уединения. Все остальное, что до Большого Несчастья было личным, перекочевало в публичное. Залы собраний служили и для этой цели. Молодые люди непринужденно переходили от разговоров к более тесному общению, сплетались в танцах страсти – двойками, тройками, большими компаниями – и, дав выход молодой энергии, разбивались на шумные компании для праздной болтовни или игр в симуляции.

Плотские удовольствия не были чужды и пустынным постарше. Изредка они присоединялись к эротическим забавам молодежи, но чаще посвящали время уединению, разговорам «по душам» со сверстниками и алкоголю. К алкоголю в Пирамиде было особое отношение.

Когда предсказанное неизбежное свершилось, когда периметр превратился в магический круг, отделяющий смерть от жизни, когда люди оказались заперты на трех спасительных островах в океане Большого Несчастья, пришло отчаянье. Пирамида защищала от внешней беды, но неизбывная тоска сочилась изнутри и поражала коварным ядом. Сдавались даже самые стойкие. В Пирамиде, несмотря на строжайший запрет, многие пристрастились к употреблению психотропных веществ. Каждый пустынный мог синтезировать химические соединения в любых вариациях. Для этого не нужны были специалисты и тайные лаборатории.

Началась настоящая эпидемия. Саботаж на самых ответственных постах приводил к сбоям в системе жизнеобеспечения. На орбите и в глубинах океана сложилась такая же ситуация. Люди, которые только что увидели, как рухнул привычный мир, не хотели ожидать веками в заточении, чтобы в неопределенном будущем приступить к построению нового мира. Люди хотели создавать свои миры, пусть личные, видимые лишь им одним, зато безграничные, яркие, счастливые – идеальное место для бегства.

Чтобы справиться с новой напастью, были предприняты жесточайшие меры. Статусной иерархии подчинили все исполнительные устройства Пирамиды, включая замки жилых помещений. Употребление, распространение, хранение, производство психотропных веществ были строжайше запрещены. На всякий случай табуировали даже алкоголь и легкие стимуляторы. Если чувствительные сенсоры засекали малейшие дозы запрещенных препаратов, то виновные мгновенно оказывались в полной изоляции. Их лишали статуса, подвергали психокоррекции и переводили на менее ответственные процессы.

Понадобились годы неустанного контроля, чтобы вновь настроить тонкий механизм социальных взаимодействий внутри Пирамиды. Одержали победу над одной бедой, но тут же столкнулись с новой. Общество стало абсолютно трезвым, но перестало быть здоровым. Человек способен жить в клетке физической, но разум человеческий требует лазеек и, лишенный возможности расширять границы, перестает работать в полную силу.

Напряженность, апатия, беспокойство, нервные состояния отвлекали от работы, провоцировали ссоры вплоть до физического насилия. Жесткие меры позволили пресечь массовое бегство в индивидуальные миры, но лишили пустынных «воли к жизни», лишили надежды. Старейшины поняли, что, избежав скорой катастрофы, они создали все условия для катастрофы в будущем. Нужно было искать компромисс, и компромисс был найден. Помог алкоголь.

Алкоголь не вызывал галлюцинаций, не уводил человека в мир фантазий, не создавал новую реальность – он помогал примириться с этой, существующей. Алкоголь не замещал разум человека, не заполнял все мыслительное пространство, не притягивал к себе абсолютно все волевые интенции и порывы. Он приходил не завоевателем, но другом, снимал тревогу, упорядочивал мысли, сглаживал неровности, подсказывал идеи. Совет Кланов легализовал употребление алкоголя в любых количествах, но определил место и время: только в залах собраний и только в период досуга.

А с негативными для организма последствиями алкогольного опьянения медицина давно умела справляться в считанные мгновения.

Такой порядок установили не только на Вершине, но и в Основании. Когда такой компромиссный опыт начал давать позитивные результаты, его переняли в океанической и орбитальной Пирамидах. Безусловно, бывали и вспышки нетрезвой агрессии, бывали пьяные дебоши, бывали происшествия на служебных постах, но все это были, скорее, досадные случайности, чем критические проблемы. Со временем общество приноровилось к нехитрому ритму: исце-

ляющий сон в личных помещениях, ответственная работа в служебных кабинетах, разгульный и, по доисторическим меркам, развратный досуг в залах собраний.

На уровнях Основания также был свой зал собраний, однако с несколько иным функционалом. Здесь также пили, ели, беседовали представители всех кланов Основания, всех возрастов и всех статусов, включая старейшин. Но в «танцах полов» принимали участие, в основном, люди молодые и свободные. На подземных уровнях все еще действовали те социальные связи, которые до Большого Несчастья называли семейными узами. Правда, институт семьи претерпел значительные изменения.

Вся жизнь обитателя Пирамиды протекала в треугольнике «сон – работа – досуг». Собственно, все одиннадцать тысяч пустынников разделялись на две большие семьи – Вершины и Основания. На Вершине принимали глобальные решения, разрабатывали стратегические планы, совершали научные открытия, вели наблюдение за периметром и равниной. У каждого – своя индивидуальная зона ответственности. В Основании работали командами над задачами более прикладного характера.

На Вершине люди общались по большей части в залах собраний, в Основании – на рабочих постах. На Вершине отношения между людьми были менее прочными, связи налаживались и распадались, человек с одного «поля комфорта» нередко перебирался на другое. В Основании рабочие группы практически не распадались – чем дольше происходило слаживание коллектива, тем эффективнее этот коллектив работал.

Именно такие небольшие функциональные сообщества – один-два мужчины, пять-двенадцать женщин – и называли в подземных уровнях «семьями». Семейным пустынникам незачем было посещать залы собраний в поисках плотских удовольствий: все, что было нужно мужчине от женщины и женщине от мужчины, можно было обрести в семье. Формального запрета для участия в эротических действиях для семейных не существовало, просто сложилась такая традиция.

Сегодня в «поле комфорта», где привык коротать досуг Ву-Волк, было пусто. Достаточно просторный фрагмент общего зала не был ничем отделен от других секторов. Десяток столиков, вокруг которых можно было сидеть или лежать на удобных диванах, игровые консоли для симуляций, пространство для групповых развлечений, зона синтеза продуктов и напитков – вот и все убранство. Ву-Волк ценил этот сектор, что облюбовали они еще выпускниками, за то, что он примыкал к внешней стене. Затемненная броня Пирамиды поглощала солнечный свет, не пускала его в здание, но изнутри даже вечером был доступен величественный вид на вечные безлюдные дали равнины.

Какое-то зудящее чувство смутно беспокоило зрителя. Он сегодня отлично поработал, выполнил свой долг, задержал беглеца – отдыхать бы и гордиться, но Ву-Волк, словно провинившийся гимназист, ожидал наказания от наставника. Только наставник этот сидел где-то глубоко внутри. Ди-Лев сегодня, Ос-Змей много лет назад и все, кто был между этими беглецами, – была какая-то невысказанная, неуловимая правота в их безнадежных бегствах. И казалось, что Ву-Волк вот-вот поймет, почувствует эту правоту.

Чтоб заглушить тягучую песню вины, Ву-Волк взял полный бокал виски. Некогда в Пирамиде свирепствовал «бум коктейлей» – алкоголь был легализован, все творческие эманации устремились в русло изобретения новых вкусов, цветов и эффектов. Но прошло время, и пустынники, даже молодежь, вернулись к древним проверенным напиткам – водке, виски, вину, пиву. Не хотел Ву-Волк тратить минуты отдыха на раскачку – взял сразу высокоградусный старт. Присел с бокалом к панорамной панели, прижался лбом к прохладной поверхности и отключил мысли.

Однажды Наставник появился в келью с рассветом. Он терпеливо ждал в дверях, его силуэт перекрывал путь просыпающемуся Солнцу, отчего в помещении царил полутьма и Неофит никак не мог расстаться со сном. Когда же все-таки Неофит натянул штаны, накинул рубаху и, шлепая по прохладе каменного пола босыми ногами, добрался до теплого источника, заменяющего душ, молчавший до того Наставник заговорил.

- Принес тебе подарок, - торжественно сказал Наставник в затылок Неофиту, протиравшему сонные глаза родниковой водой.

Неофит глянул из-под локтя. В каждой руке Наставник держал по длинному стальному жезлу. Один из жезлов радушно протягивал ученику.

- Не прошло и недели, - сказал Неофит и потянулся за полотенцем, чтобы протереть лицо.

- Пора, - согласился Наставник.

- Это же кадуцей? – спросил Неофит об очевидном.

- Он самый.

- Ученический?

- Самый что ни на есть настоящий, - заверил Наставник. – Деревянных кадуцеев не бывает.

- Кадуцей – один из обязательных атрибутов Жреца. Ваш знак отличия. Мне кадуцей до поры не положен.

- А как ты станешь Жрецом, если не научишься владеть кадуцеем? – резонно поинтересовался Наставник.

- Должен же быть какой-то ритуал? На колено, что ли, стать, клятву какую-то произнести. Я же должен сохранить в памяти торжественность момента?

- Никаких клятв и ритуалов. Так запоминай, - предложил Наставник.

- Не поздно ли мне жезлом махать в мои-то пятьдесят два? – засомневался Неофит.

- Отлично. На равнине – самый расцвет, - похвалил Наставник, слово возраст был личной заслугой Неофита. – А в Последнем Храме – так вообще практически юность.

- Жрецы живут дольше? – удивился Неофит.

- Если сумеешь к нужным богам подход найти, - неопределенно ответил Наставник и задумался. – Можно с Патекаатлем поговорить, но придется пить пульке или хотя бы мескаль. У нас древняя агава не растет, а без нее напитки не имеют той силы – достучаться можно, но сложно. Айрмед – богиня со сложным характером, да и обращаться к ней лучше в крайних случаях, она больше по воскрешению. Дочь Солнца Сехмет может помочь, но сглумишь, пойдет что-то не так, и сменит милость на гнев, вместо здоровья подкинёт болезнь какую-то, будешь потом Лекарей озадачивать.

- И такое бывает? – встревожился Неофит.

- Еще как! Такие отдачи, такие возвраты можно поймать, что на ногах не устоишь. Так что как начнешь молиться, будь крайне осторожен. К Живе можно обратиться, - вспомнил Наставник. – Но она редко теперь отвечает, то ли отошла от дел, то ли мы еще верных путей к ней не нашли. Можно дерзнуть и потревожить покой Кроноса. Но я бы не советовал – повелитель времени чаще отбирает, чем дарует. Асклепий – вот самый верный вариант. Вот с таким же посохом ходил. Только змея одна была, не две. За долголетием к нему. Или к его отцу, Аполлону. Или к дочерям. Все пять - и вылечат, и молодость вернут, и дни продлят.

- Так может начнем с таких вот разговоров? – предложил Неофит с надеждой. – А к физическим упражнениям позже перейдем, когда я себе силу, ловкость, прыть у кого-нибудь из богов выпрошу.

- Так это не работает, - вздохнул Наставник.

- А как работает?

- Вот так, - Наставник вручил Неофиту жезл. – Начинать нужно именно с физических упражнений.

- Дай хоть обуться, ноги же о камни собою, - взмолился Неофит, и Наставник любезно разрешил.

Площадка для физических упражнений располагалась у сандалий того самого борода-того мужика с мечом. Изваяний в Храме было великое множество. Большие и малые статуи расположились в ущелье, что на дни пути вдоль разрезо Немой хребет. Каждому богу полагалась своя ниша с прилегающей территорией.

Мужчины и женщины, в странных одеяниях, в доспехах, в звериных шкурах или вовсе обнаженные; две, три, пять, семь фигур вместе; люди о двух, трех и более головах, с разным количеством глаз, ртов, рук и ног; женщины с фаллосами или мужчины с женской грудью; полулюди-полужвери; существа, вовсе не похожие на людей, и нечто, вовсе не похожее на живых существ, - кого тут только не было. Прошла неделя, но и половина территории Храма все так еще и не была изучена Неофитом.

Для каждого бога, вернее, для каждой божественной функции, обозначенной в разные времена и у разных народов десятками имен, была определена в Храме своя локация. И возле каждого изваяния расчищена площадка для занятий.

- У ног каждого бога Жрецы машут жезлами, - заметил Неофит. - Неужели все боги так воинственны?

- Отнюдь, - улыбнулся Наставник. - Возьми жезл поудобнее.

Неофит, чуть согнув колени, изготовился к бою. Жезл он держал умело и грозно. За годы странствий он побывал во многих передрягах, так что тело, пусть и не молодое, было готово к испытаниям. Наставник весело наблюдал за приготовлениями. Его кадуцей небрежно лежал на плече.

- Что говорил тебе отец? - спросил Наставник, когда Неофит сообщил о готовности. - Как учил вести себя при встрече с опасностью?

- Приемный отец, - уточнил Неофит. - Он говорил, что нужно затаиться, если можно пропустить опасность мимо, бежать, если опасность неминуема, или сражаться, если нет другого выхода.

- Замри, беги, сражайся, - кивнул Неофит. - Все верно. Естественные реакции любого живого существа на угрозу. Инстинкт. Может ли человек управлять инстинктами? Нет, не может. Да и не нужно. Однако человек может выбирать. Если ты уверен в себе, то выбор твой будет чаще в сторону «сражаться». Если не уверен, то чаще будешь выбирать «бежать» или «замереть». А что нужно для того, чтобы ты обрел уверенность?

- Сила? Ловкость? Мастерство?

- Все это не помешает, - согласился Наставник. - Но даже самый сильный и ловкий мастер может растеряться в условиях реального столкновения. Уверенность - дитя опыта. Если раз за разом за твоим действием следует один и тот же результат, это, согласись, убеждает в эффективности совершаемого действия.

- Я спросил, почему у каждой статуи машут жезлами Жрецы, - напомнил Неофит.

- Наберитесь терпения, мой друг. Оно вам пригодится. Итак, какой боец добьется лучшего результата: тот, который знает тысячу боевых движений, или тот, кто знает только пять?

- Чем больше, тем лучше, - решил Неофит и для убедительности пару раз взмахнул жезлом.

- Чтобы движение превратилось в рефлекс, его нужно повторить десять тысяч раз - в полную силу, с максимальной скоростью. Очень усердный Жрец делает десять ударов в минуту. Сто ударов за десять минут. За день тренировок - примерно тысячу повторений. Речь идет о самом простом ударе по самой прямой траектории. Как думаешь, сколько времени понадобится нашему терпеливому Жрецу, чтобы отработать до рефлексов тысячу сложных ударов? А если всего лишь пять простых? Так что повторю вопрос: кто добьется лучшего результата?

- Понял, - вздохнул Неофит. - Тысячу простых ударов в день.

- В древности существовало одно небольшое государство. Оно располагалось на нескольких островах в океане. Люди там жили невеликие, за что называли эти края «Страной карликов». Но народ был гордый и воинственный. Название им не нравилось, поэтому стали они записывать его другими иероглифами. Звучало слово так же, но имело теперь другое значение – «Гармония».

- Как такое может быть?

- В этом основная сложность наших контактов с богами. Язык, речь – это основа основ, зеркало нашего мышления. Небрежное обращение со словом искажает мысль, а значит, искажает мир. Невовремя или неверно произнесенное слово, как и неверно понятая мысль, могут причинить немало бед. Но вернемся к далеким временам до всех Эпох. В конце концов эти острова стали называть «Страной восходящего солнца». Древние ее жители мастерски владели длинным однолезвийным мечом. Носили его в ножнах. Назывался он катана, или дайто. Это был меч одного удара. На нем практически не фехтовали. Кто первый извлек катану из ножен и нанес удар, тот и победитель.

- А кто достал меч вторым?

- Тот труп. Очень важно было взмахнуть мечом первым. Взмахнуть и попасть. Существовало даже настоящее искусство, как извлечь меч из ножен из любого, даже самого неудобного положения, чтобы нанести единственный победный удар. Это искусство называлось иайдо, что означало «путь мгновенного удара». Один удар – один поединок. Движение нужно было доводить до совершенства. Выигрывал в бою тот, чьи рефлексы оказывались быстрее. Тот, кто больше времени уделял повторению одного и того же движения.

- Тысячу ударов в день, - повторил Неофит.

- Больше, много больше. Только человек с неистощимым терпением мог выдержать такую тренировку. Чтобы отвлечь разум в то время, когда тело было занято монотонной работой, древние бойцы занимались медитацией.

- Медитацией?

- Своеобразная духовная техника. Тренировка духа, такая же, как тренировка тела. Разговор с самим собой, с прошлым и будущим, с природой, с миром, с пустотой. С богами.

- Вот почему Жрецы машут жезлами не только у ног бога войны! – наконец догадался Неофит.

- Они обращаются к богам, - кивнул Наставник. – Взмахни жезлом.

Неофит послушно выполнил задание, навершие кадуцея описало в воздухе изящную дугу.

- Давай без танцев, - поморщился Наставник. – Диких псов на равнине ты своим ножом тоже в танце вспарывал?

- Покажи! – потребовал Неофит.

- В древности было много войн, - Наставник снял кадуцей с плеча. – Бывали очень разрушительные войны. Ты же посещал арсенал Пирамиды, проследил эволюцию оружия? Знаешь, что такое винтовка? Замечательно. Нужна для поражения противника на расстоянии. А чтобы использовать винтовку в ближнем бою, под ствол пристегивали штык – специальная разновидность ножа. Винтовка служила древком, а штык – наконечником.

- Получается копьё, - сложил в уме два предмета Неофит.

- Совершенно верно. Новобранцев обучали двум основным приемам. «Коротким коли!»

- Наставник продемонстрировал короткий укол при помощи жезла. – И «Длинным коли!» - Наставник сделал неспешный выпад. – Часами отрабатывали солдаты короткий укол и длинный выпад. Так же, как и диверсанты, которых за пару недель нужно было подготовить к вылазкам в тыл врага, не мудрили с театральными жестами, а заучивали пару эффективных ударов руками и ножом.

- Никаких секретов боевого ремесла? – разочаровался Неофит.

- Секрет в простоте. Привыкай к жезлу в руках. Почаще грей его в своих ладонях. Пусть он станет постоянным твоим спутником и верным другом. Не требуй от друга невозможного. Это не нож, колоть и резать не умеет.

- Можно тыкать, - показал, как можно тыкать жезлом Неофит.

- Тыкать, бить, дробить. По самой удобной траектории, чтобы максимально комфортно было тебе и максимально дискомфортно было противнику. Голова, тело, ноги – три «этажа» в башне. И по направлению удара – вслед за Солнцем – от рассвета к закату, через зенит к земле и от заката к рассвету. Это основа. Пробуй.

Неофит чувствовал себя неловко, когда рубил воздух жезлом, как некогда на равнине рубил топором дрова. Но к десятой минуте привык и даже начал получать удовольствие от этого странного занятия. С каждым ударом он делал куцый шаг к статуе, у подножия разворачивался и шагал в обратную сторону. Шаг - удар, шаг – тычок. Наставник наблюдал с таким серьезным интересом, словно Неофит снова стал Трубадуром и давал представление на площади.

На следующий день Неофит проснулся поздно. Нехитрые упражнения неожиданно напомнили о себе болью в мышцах рук и ног. Плечи и спина тоже ныли. Жезл стоял в углу, словно метла у домашней хозяйки. Вздыхнув, Неофит умылся и вышел из кельи. На ближайшей площадке тренировались трое Жрецов. На Неофита они внимания не обратили, но тот все равно прошел мимо. Хотелось уединения, было стыдно за свое дилетантство.

Он нашел безлюдную площадку - вдали от хоженных жреческих тропинок у статуи незнакомого бога в образе гигантского змея - и продолжил вчерашний урок. Шаг – удар, шаг – тычок. День за днем Неофит приучал тело к однообразной работе, а по вечерам нежил уставшие мышцы в термальных водах пещерного озера.

Через месяц Неофит стал замечать, что может думать о чем-то своем, пока тело само воспроизводит простенький танец с кадуцеем. Мысли его струились, как вода горной реки, что шумела рядом, мысли обвивались вокруг событий прошлого, как тело неизвестного змееподобного бога, чье изваяние было высечено из камня над площадкой для тренировок.

Картинки приходили не только из прошлого Трубадура, что забрало (или подарило?) четыре десятка лет на равнине. Лица ремесленников из поселений вдоль Немого хребта сменили смутно знакомые необычные образы людей в странных костюмах. В руках они держали странные предметы и передвигались иногда на странных машинах, похожих на те механизмы, что видел Неофит на Кладбище у Пирамиды. Это были картинки из детства. Такие образы приходили и прежде – во снах, но не имели нынешней четкости, отчего казались просто фантастикой.

Далекie песни звучали в его ушах. И вот пришло имя – Дима. Это было так неожиданно, что Неофит замер с занесенным шестом, не закончив удара. Наставник был рядом, он склонил голову в немом вопросе. И Неофит сбивчиво, но подробно все ему рассказал.

- Дима, Дмитрий, - Наставник попробовал имя на звук. – Вот теперь понятен твой выбор, - Наставник указал взглядом на каменного змея.

- Не выбирал бога, - признался Неофит. – Искал место поспокойнее. Даже не знаю, что за изваяние, так что я случайно здесь.

- В Храме все места спокойны. И случайностей не бывает. А змея нашего зовут Велес. Любит он певцов и поэтов, - Наставник подмигнул бывшему Трубадуру. - Некоторые древние сказители считали себя внуками Велеса. Не даром он тебя выбрал. Или ты его – не столь важно.

- Не выбирал, - упрямо повторил Неофит. – И что за имя странное? При чем тут Велес?

- Скорее всего, Дмитрий - это твое имя, - Наставник, задрав подбородок, устремил взгляд к голове змея, словно спрашивая совета. – Дмитрий – посвященный богине Деметре.

- Слышал, - Неофит действительно побывал уже во многих локациях Последнего Храма. – Богиня плодородия, покровительница пастухов и землепашцев.

- Собственно, Деметра – олицетворение самой Матери-Природы, - подтвердил Наставник. – Она и сестра верховного бога, и одновременно его возлюбленная. В разных вариантах мифа Зевс соблазнял ее в образах коня, быка или... змея.

- Велеса?

- Кто знает? Есть легенда, по которой возлюбленного Деметры звали Иасион. Иасион и Велес – имена созвучные, время и не так изменяет звучание слов, но, скорее, Деметра и Велес – два лица одной изначальной силы, женское и мужское начало. Сфера ответственности у них общая – земля, урожай, скот, плодородие. Просто в разных краях по-разному чувствовали их присутствие. Но кое-что в мифах совпадает. Деметрой овладевает Зевс – бог молний. Велеса побеждает Перун, тоже бог молний. Вечное противостояние земли и неба. И вечное их единение, дарующее миру жизнь. Ты выбрал достойного собеседника для одиноких бесед.

- Не выбирал, - не сдавался Неофит.

- Как скажешь, - улыбнулся Наставник. – Давай посмотрим, чему научился за эти дни.

- Удар да тычок – вот и вся мое ученье.

Наставник вскинул жезл и встал напротив Неофита.

- Тогда бей и тычь, - предложил ученику.

Неофит пожал плечами – затея казалась ему пустой. Он не раз видел, какие чудеса вытворяли с кадуцеями бывалые Жрецы. Нелепыми будут его жалкий рубящий и еще более жалкий колющий удары против мастерства Наставника. Но тем не менее Неофит послушно взмахнул жезлом и довольно осторожно опустил наверх на голову «противника». Естественно, «противник» ушел едва заметным шагом с траектории удара.

- Смелее, резче, четче, агрессивнее, - попросил Наставник, и Неофит сделал выпад, честно стараясь попасть Наставнику в грудь.

Не попал. После серии ударов Неофит поймал ритм. Теперь пара двигалась в простом, но органично синхронном танце. Один нападал в полшага, другой в полшага отступал. «Раз, два, три, четыре», - считал про себя Неофит. Наставник говорил, укладывая слова в тот же такт на четыре доли:

- Только наступай, забудь про оборону. Все силы, всю скорость в каждый удар. Никаких лишних движений. Стремительно и открыто. Справа, слева, сверху – меняй траекторию. Внезапно и непредсказуемо. Отвлекай ложным намерением. Даже отступая – нападай. Держи равновесие. Будь устойчив. Лишай равновесия меня.

Неофит сбивался с ритма, терял дыхание. Наставник позволял сделать короткую паузу и снова приглашал кивком на «боевой танец».

- Не пугай, не дразни ложными выпадами. Отвлекаешь только себя. Бестолковыми взмахами не победишь. Каждый удар несет победу. Смотри на мою защиту. Без жезла. Уклоняйся телом. Маневрируй. Жезл не для защиты, он – для удара. Расстояние. Правильно оценивай дистанцию. Быстро сокращай при ударе. Быстро разрывай после удара. Не давай опомниться. Натиск. Быстрота. Дистанция. Во время атаки не думай об атаке. Не думай о защите. Думай о следующей атаке. Готовь ее заранее. Не сутулься. Не гнись. Не суетись. Глаза открыты. Голову – ровно. Не смотри в глаза противнику – выдашь план атаки. Смотри ему в глаза, когда атакует он, - сможешь разгадать его планы.

Мимо прошли два Жреца, говорили о своем, бегло скользнули взглядами по тренирующимся, но Неофит отвлекся и сбился.

- Ты не на площади перед зрителями, - напомнил Наставник. – Понравиться хочешь или победить?

И с этими словами выбил оружие из рук Неофита легким движением кадуцея. Тренировка была окончена.

До своей кельи Неофит добрался к закату и тут же рухнул на кровать, обмяк и забылся в долгом глухом сне. А утром обнаружил на стуле аккуратно сложенную серую сутану, такого

же цвета холщевые штаны и легкие удобные сандалии. Он счел необходимым долго стоять под струями источника, смывая пот вчерашних трудов и ночного сна. Потом облачился, взял кадучей и отошел подальше, чтобы уместиться в маленьком зеркале над умывальником.

- Вылитый Жрец, - сказал своему отражению.

7.

Изумрудная вода – это величественная красота. Не оставляет равнодушным. Мимо изумрудного озера не пробежишь в деловой спешке, не глянешь мельком, нет – обязательно остановишься, замрешь, проведешь минуты в немом восхищении, пока не окликнет наставник, не позовет группу в дальнейшее путешествие по вековым подземным гrotтам.

А если нет наставника? Если некому окликнуть тебя, потому что три десятка лет назад ты окончил клановую гимназию и нет больше для тебя наставников, кроме старейшин Клана? Некому отвлечь тебя от зачарованного созерцания, часами можешь всматриваться в тугие зеленые воды, отыскивая в глубинах стайки ленивых троглобионтов – слепых рыб-гольцов. А можешь спуститься в панорамную комнату и увидеть подземное озеро в срезе, за прозрачной стеной. Изумрудная толща превращала толстое прочное стекло в темное зеркало.

Правильной круглой формы глаза в пол-лица с огромными пепельного цвета зрачками. Аккуратный, почти незаметный между озерами глаз благородно вздернутый нос. Маленькие, с фалангу пальца, ушные раковины, что симметрично расположились по обеим сторонам крупного голого черепа. Длинные гибкие пальцы на тонких ладонях. Гладкая синеватая кожа без каких-либо признаков растительности...

Ри-Ель остался доволен своим отражением. Истинный пустынный Основания. Не красавец, но юные свободные пустынницы и семейные женщины из других команд поглядывали на него игриво, а некоторые даже прикусывали острыми зубками так, чтобы он видел, тонкие губы, что было знаком откровенным, на грани пристойности.

Женщин Ри-Ель любил, но душа его была здесь, у водохранилища. Часами Ри-Ель мог смотреть на красоты подземных озер. Он понимал, почему в главном гроте для подсветки выбрали именно изумрудный цвет. Цвет спокойствия. Так горят индикаторы на виртуальных панелях, сигнализируя о стабильной работе сервисных систем. Но были по экскурсионному маршруту и желтые залы, и голубые – главное, чтобы не было красного, красный – сигнал тревоги.

Тревоги здесь звучали часто. Шутка ли – стратегический запас питьевой воды для всей Пирамиды. Свежей воды, что приносит река со склонов Немого хребта. Это название горному кряжу дали за периметром, но оно прижилось и в Пирамиде. Вот потому-то и звучали тревоги – ежедневно река приносила подарки из внешнего мира. Фильтрационная система отсекала посторонние предметы, извлекала их из потока, перемещала в специальное помещение, где без какого-либо участия человека речные сюрпризы подвергались очистке, классификации и дальнейшему архивированию.

Но система всегда предупреждала человека о таких подарках. Только человек мог принять окончательное решение о том, какие предметы оставить в архиве, какие отправить в лаборатории для дальнейшего изучения, а какие немедленно уничтожить ввиду их потенциальной опасности. И этим человеком был Ри-Ель – смотритель водохранилища. Только он один и слышал короткий сигнал оповещения, получал изображение и параметры того объекта, который обнаруживала система на защитных барьерах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.